

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ИГРА ПО СВОИМ
ПРАВИЛАМ

Джеб

Михаил Нестеров

Игра по своим правилам

«ЭКСМО»

2005

Нестеров М. П.

Игра по своим правилам / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2005 — (Джеб)

Задание у диверсионной группы Евгения Блинкова по прозвищу Джеб четкое: уничтожить одного из боссов медельинского наркокартеля Эспарзу. Генерал российской разведки, который дал задание, давно связан с ним и очень боится, что Эспарза сообщит американцам об этой связи. Блинков не сразу понял, что генерал затеял грязную игру с участием его бойцов, и задание выполнил. Но когда до него дошло, что он сам и его бойцы теперь стали ненужными свидетелями и от них могут избавиться, он решил, что пора играть по своим правилам...

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Нестеров

Игра по своим правилам

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Известия», журналам «Власть», «Огонек», «Game.exe», авторам книги «Новые игры патриотов» А. Солдатову, И. Борогану за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Однажды он сладко уснул в своей камере, а проснулся в гробу. Глубоко под землей. Он просил не убивать, и его не убили. Но гроб закопать обязаны. Такова инструкция.

Виктор Суворов

Итак, это игра о безумии, и только о нем. О страхе, надежде и стремлении вернуться в реальность, от которой на самом деле хочется спрятаться. О том, как заставить себя вспомнить то, о чем лучше забыть, потому что иначе не останется ничего... И вот тут все и начинается! В бред и отчаяние, до победного конца – единственный путь к себе и надписи «Game over»!

Наталия Дубровская

Пролог

Звезда и смерть Сальваторе Мендеса

1

Куба, 29 мая 1987 года, пятница¹

В 18.30 ровно частный борт из Венесуэлы замедлил свой бег по взлетно-посадочной полосе гаванского военного аэродрома. Он вырулил на крайнюю рулежную дорожку и остановился. Тотчас к нему подъехал военный «УАЗ». Дверцы самолета, начавшего полет с одного из двухсот пятидесяти частных венесуэльских аэродромов, и машины открылись одновременно. Штурман привел в действие гидравлику, и бетонки коснулись, развернувшись, лестница. Летчик дал дорогу смуглолицему человеку лет пятидесяти в полувоенной форме. Клапаны кармашков его зеленоватой рубахи, раздувавшейся на ветру, и воротничок были застегнуты, широкие коричневые брюки слегка помяты. Рафаэлю Эспарзе было сорок шесть, но его старила «революционная» борода-эспаньолка и кепи военного образца: защитного цвета и с округлым козырьком. Колумбиец снял ее, отер лоб носовым платком и неторопливо спустился. Медленным кивком головы он приветствовал полковника советской разведки, не подавая ему руки:

¹ По замыслу автора, описываемые ниже события перенесены с 1989-го на 1987 год.

- Buenos tardes.
- Hola, Rafael, – ответил Брилев на испанском.
- Девочка? – спросил Эспарза, сонливо моргнув и склонив голову набок.
- Да, – не сразу отозвался полковник. На его исхудавшем теле рубашка висела мешком.

Одну руку он держал в кармане брюк, отчего они также казались чрезмерно широкими, как галифе белогвардейского офицера.

- Ты написал, что она родилась 26 мая.
- Да, три дня назад.
- Сальваторе дал ей имя?
- Паула... Мария, – медленно, разделяя два имени, назвал полковник.
- Хорошо, – так же неспешно покивал колумбиец. – Ни о чем не беспокойся. Дочь моего друга – моя дочь.

Юрий Брилев, опустив глаза, сказал:

- Ей нужно материнское молоко...

Рафаэль даже не усмехнулся.

– Ее будут кормить отборным молоком. Нас будет встречать самая здоровая из всех здоровых кормящих матерей Колумбии. Мне пришлось вылететь из Маракайбо, но шасси самолета через пару часов коснутся моей родной земли. Не знаю, сколько мне отпущено богом, но о девочке позаботятся мои преемники. Мы не бросаем своих детей.

И в этот раз колумбиец обошелся без сарказма, не мигая глядя на советского полковника. Брилев возвышался над ним на полголовы, только не он, а Эспарза смотрел на него свысока.

– Ты говорил с Сальваторе? – спросил Рафаэль, надевая головной убор и пряча черные с проседью волосы.

Полковнику не верилось, что он разговаривает с одним из главарей Медельинского наркокартеля. Не манеры Рафаэля Эспарзы, а его одежда, внешность (на его щеках можно было заметить цепочку черных угрей) понуждали видеть в нем борца из Революционных вооруженных сил Колумбии.

Что знал о наркокартеле Брилев? Советский полковник свою осведомленность о Медельинском картеле мог изложить по-военному, в стиле рапорта.

Организованное преступное сообщество Медельинский картель во главе с Пабло Эскобаром Гавирия входит в состав географического ареала «Серебряный треугольник» с оперативным центром в Медельине. Medellin Cartel обладает собственными крупными вооруженными подразделениями, контролирующими кокаиновые плантации.

Оперативные параметры – производство, транзит, реализация наркотиков на внешних рынках. Вытекающие из оперативной необходимости силовые действия против правоохранительных органов и конкурирующих преступных группировок.

Внешние контакты – ОПГ на территории США (Майами, Нью-Йорк, Пуэрто-Рико), эквадорские и мексиканские картели Хуарес и Тихуана.

Структурные построения – высокоорганизованная корпорация для занятия преступным бизнесом, основанная на специализации и разделении труда.

Традиции – торговые династии с патриархальной авторитарной структурой, требующие абсолютной дисциплины и преданности.

Легализация незаконных финансовых средств осуществляется через офшорные зоны и банки на островах Карибского бассейна и в Лихтенштейне. Деньги, полученные от продажи наркотиков, главари картеля вкладывают в легальный бизнес.

– Да, мне разрешили повидаться с ним в тюрьме, – ответил на вопрос Эспарзы Брилев. – Рано утром, не было и шести...

...Сальваторе Мендес был невысокого роста, красивый тридцатилетний кубинский капитан. Его темно-карие глаза били без промаха. Его улыбка разоружала, кружила голову. Женщинам... При этом определении полковник Брилев скрипнул зубами. Сальваторе оказался его Немезидой. Впрочем, он быстро остыл. Он уважал пусть не выбор своей дочери, но ее желания, вкусы, слабости наконец. Он оказался бессильным против ее страсти, закипевшей в этой латиноамериканской стране, на этом Острове свободы. Он гнал прочь видения, в которых его дочь и Сальваторе Мендес обнимаются, целуются, опускаются на ковер изумрудной травы; и уже она вянет, стыдливо теряя природные краски перед пылом двух обнаженных тел...

Сальваторе стоял на расстоянии дыхания от полковника ГРУ и держался за толстые прутья решетки. Советский разведчик свободно говорил на испанском. Мендес непринужденно общался по-русски. Где найти середину? И стоит ли? На каком языке обратиться к кубинцу? На человеческом – был найден ответ.

– Я не держу зла на тебя, – сказал полковник, не называя капитана по имени.

Сальваторе ответил ему вымученной улыбкой. Его глаза словно жили отдельно, в них затаила дыхание грусть, в них можно было прочесть что угодно, только не раскаяние.

– Когда меня расстреляют? – спросил Мендес по-русски.

– Завтра, – ответил полковник, опустив глаза.

– Теперь я знаю... – На губах кубинца снова заиграла улыбка. – Что будет с моей дочерью?

«Ты задал трудный вопрос...»

– Я не могу вывезти грудного ребенка в Союз...

«Ты понимаешь, чем это грозит мне, ей, дочери, наконец. В ее жилах течет ТВОЯ кровь, и я ни на минуту не забываю об этом».

Брилев поиграл желваками.

– Рафаэль Эспарза согласился нам помочь. Два дня назад я получил от него ответ на мой запрос.

– Он хороший товарищ, – обрадованно кивнул Мендес. – Мы можем на него положиться. Это лучший вариант, и он единственный. Девочка под его опекой ни в чем не будет нуждаться. У Рафаэля есть сын – смешной малый, четыре года всего.

При этих словах Мендеса полковник отчетливо различил скрипку. Одиноким смычок водит по струнам, выгоняя из эф тоскливый вой... Потом он остро ощутил тоску в своей груди и стиснул зубы, чтобы она не выплеснулась безысходным горловым воплем.

– Ты обещаешь? – спросил кубинец, также избегая называть полковника по имени.

– Да, – твердо ответил Брилев.

– Пусть девочку назовут Паулой. А второе имя дай ты.

Наступила долгая, томительная пауза. Полковнику предстояло дать имя ребенку, от которого он отрекся еще до его рождения.

– Мария... – чуть слышно прошептал он. И дальше говорил торопливо: – Дочь ничего не узнает. Врачи в госпитале сказали ей, что ребенок умер. Роды были тяжелые, она потеряла много крови, потеряла сознание.

– А сейчас? – нахмурился Сальваторе.

– Сейчас ей уже лучше. Завтра будет борт в Союз... И сюда я больше не вернусь, – Брилев покачал головой. – Начальник ГРУ уже отправил представление в Кремль, по приезде меня ждут генеральские погоны.

Генеральское звание и должность заместителя начальника радиотехнической разведки ГРУ также повлияли на непростое решение советского офицера. Либо одна большая звезда на погонах, либо ни одной и полная опала, травля, неизвестность, пинки, смешки за спиной.

Скрипка. Тоскливый голос скрипки; вой, застрявший в горле...

– Мы сделали все, что могли, капитан. Все, что ты знаешь о махинациях Рауля Кастро с Медельинским наркокартелем, уйдет с тобой в могилу. Мы закрывали на это глаза, потому что

нам было выгодно видеть тонны кокаина в Америке. Это политика, я помогал вам – потому что мне приказывали.

Капитан Сальваторе Мендес был связным Рауля Кастро с наркокартелем уже четыре года, вспоминал Брилев. США заподозрили Рауля в связях с наркокартелем. Кубинскому министру обороны было необходимо не только прервать все контакты с наркодилерами, но и отмыться. Он сделал простой и эффективный ход: приказал арестовать нескольких своих офицеров, связанных с наркокартелем, и предать их суду. Процесс получил огласку, его ход отслеживался и Штатами. Рауль Кастро представил широкой общественности главных виновников и автоматически остался в тени. Капитан Сальваторе Мендес – связник, три высокопоставленных офицера кубинской армии предстали как организаторы трафика колумбийского кокаина в США. Всех четверых завтра расстреляют. И дело будет закрыто. Копать под Рауля в данной ситуации – дело бессмысленное.

Уже завтра Сальваторе Мендес унесет в могилу и секреты советской разведки, и тайны самого Рауля Кастро. Но оставался еще один человек, который знает то, что знал полковник Брилев и его руководство. Этим человеком был Рафаэль Эспарза, поневоле поставивший Советам вилку: скорый суд над Мендесом совпал с распоряжением избавиться от новорожденной. О Рафаэле придется молчать до конца своих дней. «Рафаэль оказался единственным человеком, согласившимся решить наш...» – Брилев осекся в мыслях. Он с трудом подавил фразу – «семейный вопрос».

...Эспарза шагнул мимо полковника к машине и открыл дверцу. Встретился глазами с женщиной лет тридцати пяти. Военврач Анастасия Свешникова держала на руках грудного ребенка. Девочка спала и смешно причмокивала губами. Рафаэль требовательно щелкнул пальцами и подставил руки, чтобы принять младенца. Он прижал Паулу Марию к груди и, не останавливаясь, подошел к борту. Без посторонней помощи он ловко поднялся по лестнице.

Эспарза обернулся, стоя в проеме люка...

Таким его и запомнил полковник Брилев. Чужого человека со своей внучкой на руках.

На следующий день, пришедшийся на субботу, он равнодушно подумал о том, что к этому часу Сальваторе Мендеса уже расстреляли. Он подумал об этом на борту самолета, взявшего курс на Киев. Рядом с ним сидела его дочь – исхудавшая, «подцепившая» за время двухлетней работы в Лурдесе витилиго. Одна половина лица, обращенная к отцу, была бледна, другая словно издевалась розовым неровным пятном, уползавшим на шею. Мысли без пяти минут генерала были странными, он прятал за ними истинное настроение и жуткую тайну. Он даст дочери хорошее будущее – Юрий Васильевич полагал, что только так сможет искупить свой грех. Она ни в чем не будет нуждаться. И он тотчас прогнал эту мысль. Она трафаретом накладывалась и на слова Сальваторе Мендеса, и на красноречивое лицо Рафаэля Эспарзы. Она спряталась за другими словами: «Такая у врачей практика – не показывать матерям мертвых младенцев». Тогда Брилев впервые услышал мат из уст дочери: «Херовая практика!..»

И чем ближе к советской границе подлетал военный самолет, тем тяжелее становилось на душе Юрия Брилева. «Что я наделал... – качал он головой. – Боже, что я натворил...» Он понимал, что до гробовой доски будет повторять эти слова как проклятие.

Самолет нес его к рубежам страны, на защиту которой он стал двадцать лет назад. Границы и водоразделы Советского Союза уже давали трещины, но пока об этом не знал никто. Он бы плюнул на приказ начальства, которое примет участие в августовском путче 1991 года, предвидя крах нерушимой империи. А пока что образ великой родины и патриотизм, впитанный с молоком матери, не давали заглянуть в страшную бездну будущего. Но всегда из этой пропасти на него будут смотреть глаза новорожденной Паулы Марии...

30 мая, суббота

Сальваторе Мендеса вывели из здания тюрьмы во внутренний дворик в начале девятого утра. Его поставили к серой стене кирпичного хозблока, частично задрапированного черной тканью. Капитан стоял крайним в ряду четырех офицеров, приговоренных к расстрелу.

Отсюда был слышен голос прибора. Он поднимался по отвесным граням пирамидальной горы, стоящей на страже военного форта, глушил ворчливые голоса фламинго, плещущихся в мелких водах прибрежной лагуны. Минуту назад отзвенел колокол на старой церкви. Его медь пронеслась по широким и пустынным улицам города-крепости, проскакала по крышам, покрытым грубой жестью, сорвалась по облупившимся от старости стенам и упала на мостовую. Звон предвещал грозу: над горой и окружающими ее холмами нависли тяжелые облака.

К Мендесу шагнул небольшого роста офицер по имени Альваро. Он был в военной рубашке с коротким рукавом, с кобурой на брючном ремне. Избегая взгляда Сальваторе, он осведомился о его последнем желании.

– Да, – кивнул капитан. – Не завязывайте мне глаза.

Пауза.

– Мы можем это сделать для вас.

С таким же вопросом Альваро обратился к трем другим приговоренным к казни. Полковник кубинской армии, чьи руки также были связаны за спиной, попросил рюмку агаурдьенте. Офицер покачал головой:

– Хотите оставить повязку на глазах?

– Нет... – Он оставлял в этом жестоком мире семью: жену и двух детей.

Еще один полковник. Он бесстрашно смотрел на офицера, который вскоре отдаст команду «Пли!».

Генерал:

– Вы сможете отменить казнь?.. Жаль. Это была моя последняя воля.

Он открыто смотрел на солдат, стоящих в десятке шагов от него. Их было двенадцать человек, вооруженных советскими карабинами «СКС».

Офицер отдал команду. Солдаты взяли оружие на изготовку. Поднял руку над головой и резко опустил ее, разрывая зловещую тишину:

– Пли!

Раздался грохот. Сразу три пули ударили в грудь капитану. Сальваторе упал, придавив связанные за спиной руки. Еще до последней команды он всеми силами хотел улыбнуться. Улыбка была бы уродливой на его мертвенном лице. Его сердце билось так часто, что не выдержало бешеного ритма. Пуля торкнулась в мертвое сердце. Он хотел сосредоточиться на мыслях о дочери, которую ему не суждено было увидеть, и тоже не смог сделать этого. Память была милосердна к Сальваторе Мендесу и не причинила ему страданий. Последние минуты перед расстрелом он жил только настоящим, тем, что видел перед собой и тут же забывал. На смену одной короткой, как выстрел, картине спешила другая. И все, никакого прошлого у этого человека уже не было.

Альваро посмотрел вверх. В тени окна четко обозначилась мрачная фигура Рауля. Министр обороны ушел в тень, но не отошел от окна, забранного металлической решеткой. Офицер прошел вдоль четырех тел, держа наготове пистолет. Покачал головой. Все были мертвы. Он поманил рукой врача. Медик склонился над каждым расстрелянным, светя в глаза тонким лучиком света. Поднялся и кивнул: «Все».

Альваро продублировал его жест.

Министр покинул комнату, откуда наблюдал за казнью своих подчиненных. Его связник был мертв. Оборвалась последняя связующая нить между ним и наркокартелем Пабло Эскобара Гавирия.

Часть I

Девушка из Ипанемы

Глава 1

Яд

1

Колумбия... восемнадцать лет спустя

Острые грани гор, вспоротые узкими ущельями, матово поблескивали под вечерним солнцем. Словно этот край всевышний накрыл измятой фольгой, жарил на солнце, сбрызгивал дождем, готовил доселе невиданное блюдо. Над скалами, растрескавшимися причудливой паутиной, над порогами, перевалами, играющими всеми коричневатými тонами, повисли облака. В них отразились скалистые замки, передающие на воздушные шапки свои гористые цвета, разбавляя едва приметную небесную синь.

У подножия тысяч скал, гребнем уходящих к небу и горизонту, раскинулся поселок. Однотонные крыши делали его похожим на развалины древней индейской цивилизации. Внутри его больными узловатыми венами проступали извилистые улочки и дороги, прекращающие свой бег на глинистых пустырях, подножиях, на зеленоватых окраинах.

Городок казался мертвым. Зеленые проплешины вдоль дорог и между домами делали картину еще печальней, не добавляли ей жизни. А белая церквушка в центре была ему памятником.

Это был призрак некогда величественного города. И реальное лицо обратной стороны Луны.

Два призрака безмолвно уставились друг на друга...

...Истощенная девушка выкрикнула в пугающую тишину поселка. Из горла выплеснулся вместе с зеленоватой пеной булькающий хрип. Кокаиновые листья, которые беглянка жевала на протяжении этого сумасшедшего пути, уже не придавали ей сил.

Она не могла сказать, сколько пробежала на одном дыхании, поддерживая дикий темп бодрящим соком кокаина. Много – при этом распухшие губы девушки вымученно улыбались. Мало – они кривились от страха. Казалось, в десяти шагах позади неустанные преследователи со *свиньями*. Жуткие видения: свирепые кабаны, подпрыгивая, на ходу рвут с кокаинового кустарника листья, перемалывают их желтыми зубами, глотают, роняя на каменистую поверхность зеленую слюну; догнать, порвать дерзкую беглянку! *Порвать русскую сучку!*

Девушка обернулась. Там за горами, изрытыми пещерами, где нашли пристанище полчища летучих мышей, скрывались тропические долины, дымящиеся от испарений рек и болот. Там море цветов – гвоздик, лилий, орхидей. Там вечно кочующие туманы. Там плантации кофе, бананов, кокаинового кустарника. Оттуда началась погоня, оттуда рванула в свой последний марш-бросок смерть.

Необыкновенное и пугающее настроение, овладевшее восемнадцатилетней беглянкой, в безумном экстазе родило слова:

– Да, этот городишко вырос из-под земли, как картофельная ботва.

Это – конец. Шальная фраза, вылетевшая из горла сухой дробью, породила мысленное дополнение: «Теперь уже все равно...»

Покачиваясь, теряя последние силы, девушка спустилась по узкому ущелью. Она подошла к окраине поселка со стороны кладбища. Могилы из плит разной формы и разного цвета – от коричневого до синего и оранжевого. Все яркие цвета были отданы, как память, усопшим.

Она рухнула у порога крайнего дома и постучалась в дверь истерзанной о камни рукой в тот момент, когда солнце нырнуло за скалы и украсило горизонт малиновым ореолом.

Она очнулась при звуке голосов. Женщина говорила тихо, неуверенно. Мужчина – резко, опасно.

– Куда ее? Может быть, в винный погреб?

– Дура! Хочешь, чтобы они нас порезали, как кур?! Милости от них не дождешься, и не жди ее...

Они говорили по-испански. Девушка за полгода, проведенные на гасиенде Рафаэля Эспарзы, освоила этот язык, который поначалу казался ей мелодичным. Сейчас же в нем ничего, кроме вражды.

Женщина склонилась над беглянкой и коснулась ее спутанных, как конская грива, волос:

– No tengas miedo.

– Si, gracias... – ответила девушка. В груди зародилась надежда. Эта женщина лет тридцати сказала, что ей не стоит бояться.

– No hay de que. Como se llama usted?

– Наташа... Сой русо.

Женщина коснулась пальцами своей груди и назвала свое имя:

– Сальма.

– Пута! – то ли выругался, то ли констатировал хозяин лет сорока.

Наташа не обиделась. Проституткой ее называли часто.

– Баста! – выкрикнул мужчина, изобразив руками крест. – Баста!

Но он все же помог жене, резко и грубо подняв девушку. Ей казалось, он намеренно причиняет боль, сильно сжимая ее руку. Он отпустил ее, едва перешагнув порог дома.

– Ты сбежала от доня Эспарзы? – спросила Сальма, снова присаживаясь рядом. – Принеси воды, – потребовала она от мужа.

– Да. Откуда вы знаете?

– Я работала у сеньора Рафаэля, год назад он выгнал меня. Я видела у него несколько девушек, похожих на тебя. – Сальма развела руками: – Здесь все принадлежит дону Эспарзе.

– Расскажи ей, что у тебя болит и чем ты лечишься, – сердито съязвил мужчина, подавая воду в жестяной кружке.

– Грасьяс, – поблагодарила его Наташа. Она выпила воду с жадностью. Приподняв край майки и невольно обнажая грудь, она вытерла травяные потеки на щеках и подбородке.

– Еще воды? – спросил мужчина, узрев соблазнительные прелести девушки.

– Нет, спасибо.

– Точно не хочешь?..

«Я видела у него несколько девушек, похожих на тебя», – крутились в голове слова Сальмы. Наташа долго не решалась на побег, напрасно уговаривала других русских девушек, попавших в Колумбию из Испании; всего на гасиенде Рафаэля Эспарзы их было пять. Особенно Наташе хотелось взять в рискованное мероприятие семнадцатилетнюю Сашу Тимофееву. Она была здорово похожа на Марину – дочь российского министра информации Любови Левыкиной. Марина вела молодежное шоу на телеканале СТС и всегда вызывала зависть у сверстниц раскованностью, грацией, красотой. Однако она никогда не казалась маменькиной дочкой. Она была самостоятельна во всем. И отчего-то вот сейчас, когда образ молоденькой телеведущей снова возник перед глазами, Наташа подумала: «Если бы дочь министра стала

невольницей кокаинового короля...» Да, она бы не задержалась в плену надолго. Перед мысленным взором предстало звено истребителей, тянущих за собой разноцветный – бело-красно-голубой – дымный шлейф. На тайный аэродром опускается большой военный самолет, из люков выскакивают российские десантники, одетые в черные штурмовые костюмы. Они с боем прорываются на виллу Эспарзы и освобождают пленницу. Вернее – дочь высокопоставленного чиновника. Но Саша Тимофеева не дочь российского министра.

– Почему ты сбежала? – спросила Сальма. – Дон Эспарза хорошо относится к девушкам.

– Он – да, – ответила беглянка. – Но его сын...

– Да, Артуро настоящая свинья. Ему отбили мозги, – неожиданно поделилась с Наташей Сальма. – Он хотел стать боксером, но стал свиньей отбивной. Он педераст. Он трахает всех в зад.

– Твой язык накличет на наш дом беду, – сварливо, как женщина, заметил хозяин.

– Я говорю то, что есть. Артуро всего двадцать два, но он настоящий зверь. Я хорошо знаю Рафаэля и удивляюсь, почему он до сей поры не пристрелил своего отпрыска!

– Мне тоже удивительно, почему ты все еще жива! Вот увидишь!.. – мужчина потряс над головой кулаком.

Сальма неожиданно рассмеялась. Она была чистокровная индианка, ее муж – самбо, потомок негров и индейцев. У нее были удивительные, словно загорелые, глаза. Они вобрали в себя все карие краски этой местности, с вкраплением синих едва заметных пятнышек. Она словно спустилась с гор и одновременно с вершины далекого, скрытого туманами веков времени. Что креолки по сравнению с ней, в жилах которой текла кровь индейцев чибча... Протор на голове Сальмы подчеркивал ее смуглое лицо, указывая на него чуть изогнутой стрелкой. В ушах поблескивали простенькие сережки. Она вызвала странные ощущения. От нее невозможно было оторвать взгляд – потеряешь ее навсегда, едва успеешь моргнуть. Она в один миг унесется на вершину самой высокой горы. Ее непорочный облик отвергал все блага цивилизации, поскольку была она благом этого края.

Девушка смотрела на Сальму, и ее глаза затуманились. Эта красивая женщина и ее муж, едва волочивший изуродованную ногу, лишь на короткий срок приютили беглянку. Они не станут рисковать и выдадут ее людям Эспарзы, идущим по пятам. Они добрые, может быть, милые люди, но живут они по законам этой местности. Живут в нищете, невольно придерживаясь интернационального правила: «Лучше быть бедным и здоровым...» На них не действуют никакие уговоры; жалость – лишь временная гостья в их скромном жилище. И ничего – абсолютно ничего нельзя предложить им, даже свое однажды продавшееся тело.

Помощи ждать неоткуда. Она – не та, ради которой в небо взмоют призрачные истребители...

Боясь потерять кончик сумасшедшей нити, беглянка заговорила быстро-быстро. Она ни разу не запнулась, словно сдавала этим людям экзамен по испанскому языку.

– У дон Эспарзы находится дочь российского министра. Он не знает об этом. Она тоже не говорит о высоком положении своей матери. Она боится, что сеньор Рафаэль расправится с ней, едва узнает, кто она на самом деле. Сообщите об этом в российское посольство, вам заплатят большие деньги. Ее зовут Марина Левыкина. Ей семнадцать. Она вела шоу на российском телеканале. Пожалуйста!

Она говорила так быстро, словно уже в этот миг к дому Сальмы Аланиз подходила группа вооруженных людей, словно услышала злобный визг свиней и озлобленный людской возглас, сопровождаемый пинками в дверь: «Abre la puerta!»

Она не знала, не могла знать, что ей принесет ложь, – может, вообще ничего, но попытаться подать весточку о пленных русских девочках стоило. И то был единственный шанс. Никто не пошевелится ради безымянной проститутки, залетевшей поначалу на испанские берега на иллюзорных крыльях модельной звезды. Главное, в России узнают об этом.

Наташа придумала множество деталей, описывая не саму Марину, но ее мать. Какое высокое положение она занимает, какой у нее богатый дом. Что она попутно занимается *большим* бизнесом. И конечно, ради дочери, пропавшей четыре месяца назад, сделает все возможное и невозможное, заплатит любые деньги даже за самую крохотную информацию о ней.

– Пожалуйста!..

– Не слушай ее! Зачем нам это?! Сальма, я тебе говорю!

Девушка видела, как ее стрелы, смазанные корыстным ядом, доходят до цели. Сальма покусывала губы, слушая беглянку. Ее непорочный образ испарился, она впитывала в себя замаячившие над золотистой горой блага цивилизации.

– Надо выгнать ее!

– Нет, пожалуйста! Марина была одета в коричневые туфли, костюм от Анны Малинари. В такой одежде ее привезли на гасиенду.

– Запрем ее в клетке с курами и сдадим дону Эспарзе. Пусть он заплатит меньше, чем какой-то министр, зато спать будем крепко. – Во рту мужчины бился не горячий язык, а острое, змеиное жало.

Девушка отдала последние силы. Она опустила голову на руки, и ее глаза закрылись. Она была отравлена лошадиной дозой кокаина и не могла справиться с ядом, окрасившим ее вены в болотный цвет. Она умерла спустя двадцать минут. Над ней недоброй молитвой, больше походившей на проклятие, прозвучал голос чернокожего хозяина:

– Так даже лучше...

2

Утро. В поселке первыми всполошились петухи. Им вторили собаки, коровы. Сальма стояла второй в очереди к бело-красному автобусу «Микро». Минута, и синие сиденья бусета были заняты, узкие проходы и широкие багажные полки забиты корзинами и сумками. Потолок, лишившийся обивки, уже начали согревать первые солнечные лучи. Салон пропитался запахом потных тел, духота становилась невыносимой. Пассажиры, едущие в город, обмахивались кто чем мог. Только один человек сидел неподвижно и не обращал внимания на спертый воздух.

Сальма металась в мыслях от прошлого к настоящему, от Энрике Суареса, перешагнувшего порог ее дома ровно в полночь...

Она не посмела тронуть тело девушки. Люди Рафаэля Эспарзы нашли ее в том положении, в каком она отдала богу душу. Энрике словно измерил расстояние от двери до мертвого тела и, видимо, нашел его не таким большим. Беглянка скончалась буквально на пороге.

– Мы дали ей только воды, сеньор, – извинялся хозяин. – Больше ничего. Мы ее даже не слушали. Да она и не говорила вовсе! Хрипела, нажралась кожи. Как шахтер! Из нее так и перла пена!

– Закопайте ее где-нибудь, – распорядился Энрике, несильно пнув мертвую девушку.

Сальма ехала в город к старшей сестре. Совет она могла получить только у нее. Кроме нее, никто не сможет ссудить ей деньги на поездку... Да, вначале в Санта-Фе-де-Боготу, а потом...

Сальма боязливо перекрестилась. Ее визит в российское посольство станет известен Эспарзе, который вкладывал деньги в туристический бизнес, уже на следующий день. И тогда снова жди в гости правую руку Рафаэля. Энрике живьем закопает предателей.

Ее мать занимается большим бизнесом. Она заплатит любые деньги даже за самую крохотную информацию о своей дочери.

Сальма и сама готова была скончаться от непомерной дозы этого яда. Теперь она поняла, что такое шанс, который выпадает на твою долю лишь раз в жизни.

Она взяла с собой паспорт и большую сумму, накопленную за полтора года: восемьдесят тысяч песо. Из Хонды до Боготы Сальма добралась на рейсовом автобусе; он вез Сальму в самый центр Северных Анд, окутанных облаками; сто километров пути пролетели незаметно.

Архитектурная планировка столицы напоминала искривившуюся под огнем решетку. Бесчисленные кальес проходили с востока на запад, карьерас тянулись с севера на юг.

Не заезжая к сестре, проживающей в районе Ла-Канделария, Сальма наведлась в туристическое бюро «Тьерра Мар Айре» и узнала, что два раза в неделю из Боготы в Москву летают – через Майами – самолеты «Аэрофлота» (язык сломаешь!).

Российского посольства Сальма боялась как черта. Она спросила у служащей агентства, представляющего компанию American Express:

– Если я захочу купить путевку, мне придется идти в российское посольство?

– Нет, всю работу мы берем на себя.

– Сколько это будет стоить?

– Полный пакет услуг при полном пансионе, включая консульский сбор, – одна тысяча сто долларов.

Сальма вышла из турагентства на ватных ногах. Чтобы полнее ощутить, сколько ей нужно денег, она завернула в касас де камбио и обменяла груды песо всего на одну зеленую бумажку достоинством сто долларов. Не хватало ровно десяти штук. Если умножить десять на полтора... то придется копить пятнадцать лет.

Старшая сестра Сальмы Агата удачно вышла замуж за предпринимателя из Хонды, где она работала горничной в гостинице, и стала Агатой Луцero. Позже она с мужем перебралась в столицу. Может быть, зря. Поскольку Луцero потерял бизнес. Все же ему вскоре улыбнулось счастье – он устроился на работу в компанию «Авианка».

Самого Луцero дома не было, нечастую гостью принимала Агата. Они были похожи. Правда, старшая сестра была ухожена, сильно располнела за те восемь месяцев, что они не виделись. Неожиданно Агата сразу встала на сторону младшей сестры.

– Ты все правильно распланировала, ты молодец, Сали. Мой муж убьет меня, если недо-считается денег в заначке.

– Но у тебя есть деньги?

– Да, три тысячи долларов. Я подрабатывала в «Ла Фонде». Муж, едва узнав, что я работаю в ресторане на кухне, закатил сцену. Гордый. Из этих трех тысяч третья часть моя. А, была не была! Пойдем, я провожу тебя в «Мар Айре».

– Ты мне не доверяешь?

– Не хочу, чтобы тебя облапошили. Полный пансион – зачем тебе трехразовое питание? Хватит двух. Или вообще одного.

– А если у меня ничего не получится?

– Получится. – И Агата Луцero сказала то, о чем не переставала думать Сальма: – Такой шанс выпадает раз в жизни. Запроси с российского министра... – она пошевелила полными накрашенными губами... – сто тысяч долларов. Я помогу тебе, а ты отдашь мне третью часть этих денег. Не обиделась?

– Я бы сама предложила. Только... мне кажется, сто тысяч многовато.

– Шестидесят – на меньшую сумму не соглашайся.

Сальма покачала головой и зябко поежилась:

– Я боюсь Рафаэля...

– А я – нет, – смело ответила Агата.

– Потому что ты далеко от него.

– Может быть, и так, – она пожала дородными плечами. – Скоро и ты, моя дорогая, будешь на таком же, как я, безопасном расстоянии.

Глава 2

Горячие головы

3

Москва, 29 мая 2005 года, воскресенье

Генерал Романов в первую очередь отметил, что для раскинувшихся коттеджа и дворовых построек (правда, из облицовочного кирпича, но с такими скучными фасадами...) место отнюдь не министерское. Почему министр информационных технологий и связи Любовь Левыкина выбрала место на окраине подмосковной Немчиновки? Речушка Сетунь уже давно не несла в себе прохлады. Она не вилась вдоль сплошной стены ельника, а по-осеннему пошла пунктиром.

Загородный дом Левыкиной был крайним в ряду похожих строений. Если не считать новостройки, которая, судя по строительному материалу, свезенному в кучи, станет главным бельмом охраняемого поселка: цоколь из красного кирпича, коробка из силикатного; между ними торчит возбужденными ресницами рубероидная изоляция. Этот землистый монстр с деревянным ирокезом навевал мысли о первом коттеджном буме, разразившемся в середине 80-х годов. Кто, интересно, этот «отсталый»? – задался мимолетным вопросом Романов.

Любовь Левыкина ждала генерала. Она вышла встретить своего бывшего одноклассника на просторное крыльцо. Ей было слегка за сорок. Небольшого роста, худощава, одета в свободные брюки и легкую малиновую кофту. У нее были светлые волосы, левая щека и подбородок розовели пигментными пятнами, отчего ее лицо на расстоянии выглядело размытым.

«Ауди А4» с вальжной радиаторной решеткой, свидетельствующей об амбициях хозяина пересечь на «А8», остановилась в конце асфальтированной площадки, генерал вышел из машины. Он был в черном деловом костюме; галстук и рабочий кейс он оставил на заднем сиденье. Он надеялся, что документы, которые легли на его рабочий стол в 15.30, в беседе с министром ему не пригодятся.

– Привет, Любовь Юрьевна! – первым поздоровался Романов. Ее девичья фамилия была Брилева. Сухое и неблагозвучное ФИО в нескончаемом повторе превращалось в ЛЮБЛЮ... И напоминало романтические отношения Маяковского с его дамой сердца Лилей Брик. «Писаная» красавица исчезла вместе с браком и превратилась в плаксивую «Люльку».

– Привет! – ответила Левыкина, улыбнувшись и подставляя щеку для дружеского поцелуя. – Знаешь, Боря, если бы не твой телефонный звонок, я бы испугалась неожиданного визита начальника контрразведки.

– Ну, я еще в замах... – улыбнулся замдиректора Управления контрразведывательных операций ФСБ. Он редко контактировал с Левыкиной, а вот его коллега из Управления компьютерной и информационной безопасности довольно часто встречался с главой «одноименного» министерства. – Ты одна в этом большом и красивом доме? – длинно и в комплиментарном стиле спросил Романов.

– С тех пор как развелась с мужем – да.

– Не хочешь вернуть девичью фамилию?

– Проходи, – не ответила на вопрос Левыкина, – угощу тебя коньяком. Пьешь «Белый аист»? Мне недавно приперли целую коробку!

– Для тебя это как целый погреб, да?

– Что-то вроде этого, – рассмеялась женщина. Она проводила гостя в просторную гостиную с однотонными зеленоватыми стенами, высокими – от пола до потолка – арочными окнами и усадила за длинный стол, задержав на мгновение руку на плече Романова. Это дружеское прикосновение генерал оценил как материнское.

Он давно знал Левыкину как деловую, преуспевающую женщину. У нее была роскошная недвижимость в центре Москвы – четырехэтажный особняк, построенный в начале прошлого века. Он стоил кучу денег и в то же время был бесценным. По стоимости он равнялся острову в море, с виллой, пристанями, бассейнами. Ей он достался в 1991 году, когда путем сложных обменов и доплат были расселены жилыцы особняка, представлявшего в ту пору нэповскую коммуналку. За четырнадцать лет непрерывных строительных работ он вернул себе и зимний сад. Особняк находился в сотне метров от кремлевских стен.

Может быть, в связи с этим Романов спросил:

– Кто возводит крепость рядом с твоим домом?

– Крепость? Да, ты, наверное, прав. Морской офицер, разведчик. Его фамилия Абрамов. Я наводила справки. Много не узнала – его персональные данные засекречены.

– Ну да, и все личное находится в его личном деле. Не боишься, что моряк заведет скотину и ты по утрам будешь просыпаться от кукареканья и хрюканья?

– Я найду чем ответить. Говорят, павлины противно орут и эти... как их, господи... страусы! Кстати, о птичках. – Левыкина выставила на стол продолговатую бутылку «Белого аиста».

– Вижу, у тебя на все готов ответ.

– А ты как думал? Чай, не лаптем щи хлебаю. – Хозяйка отключила телефоны, чтобы постоянные звонки не мешали беседе. – Я сейчас лимончик порежу. – Она открыла дверцу высоченного холодильника. – Что тут у меня? Сосиски, ветчина, рыба, что ли, не пойму... Фу! Ну и запах! А потом кричим: гастрит, язва...

– Ты что-то про щи говорила.

– Про лапоть, – уточнила Левыкина. – Чего сидишь, мужик? Открывай бутылку. На бардак и пыль внимания не обращай. Хозяйством заведует моя троюродная сестра. Волянит. Как тут без послаблений.

– Кстати, где твои охранники?

– Здесь где-то, – снова рассмеялась она. – Один или два точно. Наверное, тебя увидели и попрятались.

Пока Романов ковырялся с пробкой и наливал коньяк в пузатые бокалы, хозяйка готовила нехитрую закуску. Она ни разу не поторопила незваного гостя даже наводящим вопросом. И при этом оставалась абсолютно раскрепощенной.

Они выпили. Женщина прикурила и открыла створку окна.

– Ты ведь не куришь? – спросила она.

– Ни разу не держал во рту эту гадость, – скривился Романов. – Когда мои школьные товарищи прятались по подвалам и смолили бычки, я учил уроки и тарабанил на пианино. Из меня мог бы получиться неплохой музыкант. Впрочем, ты об этом знаешь не хуже меня.

Борис Петрович выдержал небольшую паузу.

– Сегодня после обеда мне поступила странная информация. Откровенно говоря, я обалдел. Я приехал прояснить некоторые детали. Ты не пугайся, но речь пойдет о твоей дочери. Она где сейчас?

– О господи!.. – Любовь Юрьевна побледнела, словно набросила на лицо газовую вуаль, и всплеснула руками. – В Греции. Я десять минут назад говорила с ней по телефону. Погоди, – нахмурилась она, – наверное, не к ней интерес контрразведки, а к ее бойфренду, да?

Романов покачал головой:

– Я слышал о ее греческом парне. Он сын миллионера, его единственный наследник и так далее. Я не видел его, но, говорят, они – неплохая пара. Ничего против я не имею.

– С какой стати?

– Я так и знал, что произошла ошибка. Мне доложили, что девушка, которая называет себя Мариной Левыкиной, находится на содержании у колумбийского наркобарона. Она утверждает, что ее мать – министр связи. Другой такой Марины в России нет.

Левыкина остановила генерала жестом и набрала на сотовой трубке номер.

– Марина, здравствуй еще раз. Это мама. Мне сказали, что ты в Колумбии. Один знакомый. Что ему передать?.. Ну тогда ты окажешься в Лефортово. Не знаю, что хуже. Он рядом со мной, между прочим. Ладно, не буду отвлекать тебя.

Женщина нажала на красноватую кнопку и положила телефон на стол.

– Выкладывай – как, что, откуда. Есть версии, по которым кто-то прикрывается моим именем?

– Это было первое, о чем я подумал, – покивал генерал. – Возможно, кто-то хочет поиграть на этом поле. Вариантов много – скомпрометировать тебя, спровоцировать. Если бы не одно «но»: информация получена от первоисточника.

– Что это значит?

– Некто Сальма Аланиз, колумбийка, она приехала в нашу страну по туристической путевке. Сразу завернула в ближайший пункт правопорядка, оттуда ее направили на Лубянку. Ее принял дежурный следователь, пригласил переводчика. Потом я познакомился с содержанием беседы. Оказалось, колумбийка решила подзаработать на информации о пленнице Рафаэля Эспарзы и поставила условие: все детали она расскажет только матери девушки. Не без труда следователь переломил разговор в свою пользу.

Романов только сейчас заметил: пятна витилиго на щеке женщины обозначились так четко, что стали видны их границы. Во всей «красе» проявилось пожизненное кожное заболевание.

Он не успел задать вопрос о самочувствии хозяйки – Левыкина резко встала и принесла извинения:

– Я напрасно выпила коньяк. Считаю, запила спиртным бероксан. Эти таблетки и без того вызывают боли в сердце... Через минуту все пройдет. Я оставлю тебя ненадолго, Боря.

Имя Рафаэля Эспарзы напугало Левыкину. Призрак колумбийца швырнул ее в прошлое, которое она начала забывать.

Она познакомилась с Эспарзой, когда Юрий Васильевич помогал налаживать работу в Климовске. Она едва могла скрывать беременность под широкой одеждой. Сальваторе представил Рафаэля как своего лучшего друга. Он не делал тайны из того, что по приказу министра обороны осуществляет поставку в страну колумбийского кокаина. Тогда ей показалось, наркоторговец скрыл пренебрежительную улыбку. Одобрил ли он выбор своего кубинского товарища?..

Сейчас имя Рафаэля возродило забытое лицо Сальваторе...

Любовь Юрьевна покусывала костяшки пальцев, найдя временное убежище в ванной комнате. Она сидела на краю джакузи и не могла собраться с мыслями. Только образы перед глазами. Глухонемые люди. Одни улыбаются, другие насмеются, третьи сочувствуют. Как по ступеням она поднялась к самой вершине, венчающей их отношения с капитаном кубинской армии. А где-то у подножия этой горы – *две могилы*. Как итог безрассудства, страсти, страха и любви. И серый безмолвный монумент лейтенанта Левыкина, дослужившегося до майора и в конце концов спившегося.

Прошло пять минут, прежде чем Любовь Юрьевна вернулась к гостю.

Романов какое-то время настраивался на разговор, но обстоятельно доложил о беседе с Сальмой Аланиз, не упуская ни одной мелочи.

– Лично я не вижу тут никакой провокации, – после непродолжительного раздумья ответила женщина. – Налицо трагедия. Мне кажется, девочка обозначила свое положение с первых

же минут пребывания в плену: что ее не так-то просто унижить, убить в конце концов, что она действительно дочь министра. Может, они с Мариной даже похожи. Моя засранка не раз засветилась по ящику, участвуя в молодежных шоу, стала у сверстниц примером для подражания. В этом плане, я думаю, они не знакомы, согласен?

– Да, – ответил Романов. – Если все так, то как Эспарза отреагировал на это заявление? Если таковое вообще имело место.

– Не знаю... Может статься, ему все равно, – вслух размышляла Левыкина. – А, скорее всего, он понял, что пленница ложью решила облегчить свое положение. Она живет в этом образе и, может быть, даже получает какие-то послабления. Собственно, образ девушки из высшего общества запросто может устроить Эспарзу, привнести в их отношения своеобразный колорит. Они играют, что добавляет колумбийцу что-то освежающее, похожее на родничок.

– Ты начала фантазировать.

– Черт! Мне не до фантазий, Боря. Ты же понимаешь, что эта драма по определению касается меня. Расскажи, как дурочки вроде нашей попадают в рабство.

– Могу объяснить на живом примере. Ночную дискотеку посещает некий Арсен, присматривает жертву, начинает ее обрабатывать. Говорит, что живет в Испании, перебрался туда несколько лет назад, ни о чем не жалеет. В Россию приезжает повидать родственников. Знаком с испанскими воротилами шоу-бизнеса, может устроить на работу. Нужны фотографии, данные о семье, паспорт. Гарантии? То, что он не имеет отношения к фирмам-кидалам. Он за помощь денег не берет. Жертва приходит якобы на собеседование. За свой счет, что немало важно, покупает билет до Одессы. Там ей колют наркотик и в таком состоянии удерживают до места назначения. Трафик идет через Украину. Торговля людьми поставлена на поток. Бешеные деньги. После торговли оружием и наркотиками – самое прибыльное дело. На живой товар спрос огромный. Русских и украинских девочек хотят видеть у себя и японские якудзы, и колумбийские наркоторговцы, и арабские шейхи. А вообще – это сложный пример.

– В большинстве своем девушки добровольно соглашаются на работу в стрипбарах и прочих заведениях, – продолжила Левыкина, – это я поняла.

– Знаешь, прежде чем ехать к тебе, я сделал запрос на Эспарзу и жду ответа из двух источников – Интерпола и нашего Управления по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков. Приличная база данных, собранная на известных наркобаронах в том числе спутниками радиоразведки.

– Готовился основательно, – рассеянно заметила министр, занятая своими мыслями.

– Да. Но хорошо, что все хорошо закончилось, – улыбнулся Романов.

– Ты считаешь, что все закончилось хорошо?

– И тебе советую, – сухо вато произнес генерал. – Извини, что понапрасну тебя побеспокоил.

– Не откланивайся раньше времени, Боря. Ответь, запросы на пропавшую девушку ты делал?

– Завтра утром тебе привезут немного – тысячи, думаю, хватит – фотографий пропавших девиц, – усмехнулся Романов. – За последние полгода.

– Я просмотрю их. И вот еще что: дай мне данные на эту Сальму Аланиз. В какой гостинице, в каком номере она остановилась. И своих людей предупреди, чтобы не дергались и дали мне спокойно поговорить с ней. Не играй в молчанку, Боря, иначе я попрошу об этом Патрушева на завтрашнем кабинете министров. Что ты с этим говном будешь делать? Сколько Сальма запросила за информацию?

– Шестьдесят тысяч долларов, – с неохотой ответил Романов. – Не лезь в это дело, Люба.

– В мое дело, – поправила собеседника Левыкина. – Пусть даже оно краем касается меня. Ты правильно заметил: ты еще в замах, и неизвестно, возглавишь ли в обозримом будущем департамент. Ты с министром разговариваешь, а не с Любкой Брилевой. Торжественно обещаю

– я доведу до конца это дело, которое ты ошибочно посчитал успешно завершённым. Нет, твоему директору докучать не стану – он думает так же, как ты. *Вы бы забежали у себя на Лубянке, если бы, не дай бог, у Эспарзы оказалась моя дочь.* Вы с удовольствием берётесь за громкие дела. Для того чтобы покрасоваться на виду и завершить дело «глухарем».

– Ты говоришь, как депутат от КПРФ.

– Нет, – покачала головой Левыкина. – *Как мать.*

Левыкина говорила с открытым сердцем, вдвойне искренне потому, что прошлое не давало ей покоя. Она начала забывать его? Скорее, пряталась за временем. Она взяла высоту по имени Марина со второй попытки, первая оказалась трагической. Любовь Юрьевна упала не на мягкие маты, а на жесткий грунт, вскрикнув от страшной боли и потеряв сознание. Несчастье с первенцем проецировалось на драму с незнакомой девушкой. Почему? Потому что переплелось с Сальваторе, с Рафаэлем, с лейтенантом Левыкиным, с ней самой. С генералом Романовым, которому, как гонцу, прибывшему с плохими новостями, стоило самому положить голову на плаху. Сейчас его лицо скрывает маска японского театра кабуки. Он готов, но не решается высказаться откровенно: «Ты прямо умереть готова за безымянную девку!» И продолжить в стиле Сталина: «Дорогая товарищ большевичка, я тебе советую не ставить задачу умереть за кого-либо. Это пустая задача». Но как ему объяснить, что в первую очередь она женщина с хозяйственной сумкой и во вторую – чиновник с портфелем. Что в деловые переговоры вклиниваются дела семейные. Больше того – перевешивают работу. Что она не большевичка, не труженица из далекого прошлого, а нормальный человек. Что она не рассчитывает на орден и думает об этом в напряженном житейском ключе: «Вряд ли сегодня или завтра награду завезут».

Романов сам проложил мостик от настоящего к прошлому и, не зная деталей, упрекает, считая Левыкину счастливой матерью, преуспевающей женщиной, этакой динамо-машиной, испускающей мощные потоки. Он ничего не знает о том, что эта женщина мысленно ворожит тяжелые страницы «Книги мертвых»: «Я – *первый* ветерок, мягко дующий над океаном вечности. Я – *первый* восход. *Первый* проблеск света».

«Я – *первая* планка, которую ты сбила!»

Москва слезам не верит...

Левыкина была из категории «помоги себе сам». Но в данный момент она услышала отголоски прошлого. Незнакомая девушка постучала в одну дверь, а открылась совсем другая – за многие тысячи километров от безымянного колумбийского поселка. О чем Любовь Юрьевна и сказала Романову:

– Пойми другое, Боря: эта беда стукнулась в двери моего дома, не соседского. Как я смогу забыть об этом? Вот так по-житейски, без пафоса?

– Но наплевала бы на соседей.

– Может быть. Не знаю.

– Дай мне десять минут, и я остужу твою горячую голову.

– Диктуй название гостиницы и номер комнаты Сальмы, – Левыкина приготовилась записывать в пухлую деловую книжку.

– Подожди до утра, когда твоя голова будет свободна от этого разговора.

– Именно поэтому я тебя тороплю. – Левыкина отложила записную книжку и набрала на сотовой трубке номер. – Коля, давай-ка подъезжай на дачу прямо сейчас.

– У тебя ничего не получится, – упорствовал генерал, отчетливо представляя минимум три машины, увенчанные проблесковыми маячками, десяток офицеров ФСО, обеспечивающих охрану министра. – Тебя вышибут с работы.

– И хер с ней!

– Никто не станет мараться. Некому будет «спонсировать» операцию. Ради безымянной девки никто не запустит руку в секретные фонды. *Проконсультируйся у своего отца.*

– Слава богу, ты сбросил маску. Заговорил про резанные бумажки. Вы коллекционируете их, а я с их помощью воплощаю свои идеи.

– Ты даже не представляешь размаха работы.

– В свое время я провела такую работу, от которой отказывались все риелторы Москвы, вместе взятые. Чиновники рыдали, олигархи хватались за голову. Но особняк, в котором танцевала Айседора Дункан, теперь мой.

– Хорошо, я назову тебе координаты Сальмы, скажу своим людям, чтобы не мешали тебе. Но тут же доложу об этом директору.

– Валяй докладывай! – Левыкина резко выбросила руку в сторону выхода. – Может, ты и прав: завтра я горько пожалею обо всем. Но еще больше пожалею, если останусь дома.

– Гостиница «Пекин», – с трудом выжал из себя генерал.

– Как по заказу, – усмехнулась женщина. – ФСБ и впрямь расплзается по Москве... Со счету собьешься: особняки на Садовом кольце, на проспекте Сахарова, на Кутузовском, в гостинице «Пекин». Угораздило же нашу Сальму!.. Сколько раз ты пожалел, что пришел ко мне?

– Тысячу!

– Про фотографии не забудь. Теперь ты понимаешь, почему в правительстве катастрофически не хватает баб?

4

Любовь Левыкина вернулась домой за полночь. Ехать за город было поздно, и она осталась ночевать в своем арбатском особняке. Ее спальня находилась в бывшей квартире номер 1, с громадным десятиметровым окном. Она приняла ванну, легла в кровать, погасила светильник.

Сон не шел. Любовь Юрьевна в очередной раз прогоняла в голове беседу с колумбийкой. Она не забыла испанский, и переводчик для этой беседы ей не понадобился...

Спохватившись, она позвонила своему женатому знакомому, с которым «по-немецки» встречалась раз в неделю. Она пользовалась телефоном спецсвязи, обеспечивающей высокий уровень конфиденциальности разговоров, и говорила открытым текстом: «Ну что, получим оргазм в среду?»

– Привет, дорогой! Не разбудила? Слушай, у меня деловой разговор. Хватилась – нет денег. Не одолжишь шестьдесят «штук»? Нет, не «рваных», а долларов. Что значит – до завтра? И почему таким замогильным голосом? А, жена рядом, понятно. Заедешь за мной на Арбат часикам к восьми утра? Позже не выйдет, у нас завтра кабинет... Спасибо и – спокойной ночи!

Больше всего в рассказе Сальмы потрясла смерть безымянной девочки, решившейся на побег. «Она сама умерла, во сне». Черт возьми, она понимала, что у нее нет шансов уйти от преследователей, она пыталась спасти подругу, назвавшуюся дочерью российского министра. Вопрос на засыпку, с интонациями Бори Романова: стала бы она тратить последние силы ради безымянной девки? Вот ведь козлийный вопрос!

Любовь Юрьевна пришла к выводу, что тоже тратит силы – не ради чего-то. Она остановилась на определении, озвученном в присутствии генерала ФСБ: беда торкнулась в двери ее дома. А до этого постучала обескровленной рукой в двери Сальмы Аланиз. И хорошо, что у меня есть средства, желания и возможности приподнять этот груз, думала Левыкина. Пока только приподнять. Только сейчас она увидела лицо равнодушия, а до этого видела лишь его неприглядную плешь.

Она поймала себя на мысли, что ищет оправдания своему, может быть, бесшабашному поступку или, скорее всего, настрою. Каждый ли поступок должен быть оправдан? Наверное, нет. Просто это привычка, плохая привычка обелять каждый свой шаг.

В беседе с Сальмой выяснилась любопытная деталь: у донэ Эспарзы есть восемнадцатилетняя дочь. В прошлом году ее, по словам колумбийки, вывозили на отдых в Испанию, и в этом году Паула Мария тоже собирается отдохнуть на море. «Ты говорила об этом следователю?» – спросила Левыкина. «Нет, – ответила Сальма. – Я сказала его начальнику». Борису Романову, конкретизировала министр. Пригодится ли это в дальнейшем – пока не ясно.

Сон не шел. Не спалось и оперативникам из Управления контрразведывательных операций. Они поставили машину с прослушивающей аппаратурой напротив знаменитого дома на Арбате. Через огромное окно в спальне министра утекала информация в акустическом канале. Машина была напичкана акустическими, радиоэлектронными, лазерными сканерами. Каждое слово Любви Левыкиной жадно поглощалось записывающей аппаратурой. Периодически старший смены докладывал по телефону лично генералу Романову:

– Борис Петрович, она только что позвонила гендиректору REN TV и попросила прислать к семи утра съемочную группу по своему арбатскому адресу.

– Хлещите ее дальше, – коротко распорядился Романов, зная о тесном сотрудничестве министра информации и телеканала с определением Liberty. Он довольно легко просчитал шаги Левыкиной, обладающей оперативным складом ума. Он видел ее эмоциональный след, подчеркнутый ее кожей «заразой». Собственно, она взяла за основу визит Романова. Отталкиваясь от него, она выделяла главный момент – это якобы похищение ее дочери. Этот факт она решила преподнести широким массам, а заодно спецслужбам, которые после интервью телеканалу не смогут увильнуть от этого дела. Министр уповала на широкую огласку – свободно, словно читая мысли Левыкиной, рассуждал контрразведчик. Ей придется ответить – но не за дезинформацию, а за предание огласке непроверенных фактов. Одним из ключевых моментов в выступлении министра будет следующий: после вчерашнего разговора с высокопоставленным представителем ФСБ она так и не смогла дозвониться до своей дочери. «Дозвонится», но... поезд уже тронется.

Борис Петрович в очередной раз посетовал на свой опрометчивый шаг: «За каким чертом я поперся к Левыкиной?! Не учел министерской заносчивости, материнского сострадания, бабской взбалмошности. Как вообще можно найти общий язык с обладательницей таких разных амбиций? В одном человеке – средоточие трех пороков, целая секта в одном лице!»

В восемь утра ровно, еще до приезда любовника Левыкиной к ней на Арбат, съемочной машине телеканала REN TV преградил дорогу громадный черный «Шевроле». Старший опергруппы в чине майора резко открыл заднюю дверцу ничем не примечательного «жигуленка» и едва протиснулся в салон, пододвигая к противоположной дверце оператора и его помощника.

– Кассету! – потребовал он. И осадил редактора, занявшего место переднего пассажира: – Даже не дергайся! – Он дал возможность редактору и оператору обменяться взглядами и принять правильное решение. Отснятый материал находился в сумке. Оперативник на всякий случай проверил рабочий багаж и камеру, изъяв еще пару кассет.

Романов на ходу принял их и, не скрывая, постучался в дверь особняка.

– Все-таки ты дернулась, – начал с порога генерал. – Все, дело не в дружбе, дело зашло слишком далеко. Ты – дилетант, ты бросилась с эмоциями на холодный расчет. Это сулило проигрыш с самого начала. Неужели ты не представляла, что начнется после выхода в эфир этой лажи?... – Романов потряс кассетами. – *Я тебя, твою репутацию спасаю, Люба!* Этот репортаж поднял бы на ноги генпрокурора, директоров ФСБ и СВР. Пять минут – и они сообщают, где именно находится твоя дочь. И последний удар по твоему безрассудству: распечатка твоего звонка в Грецию, где ты интересуешься местонахождением своей дочери, с указанием точного времени состоявшегося разговора. Ты ввязалась в борьбу с борьбой. Я работаю в контрразведке, и моя задача на корню пресекать разного рода провокационные кампании. В общем так, Люба, бери отпуск, бери больничный. Если еще раз дернешься, замучаешься нанимать адвокатов.

Левыкина долго молчала. Она проиграла давно, еще не вступив в «борьбу с борьбой». Она сделала все, что могла, «хоть что-то». Прошла этот короткий путь, а не посмотрела на него со стороны. И могла откровенно признаться себе, что для нее это было важно.

На ее глаза навернулись слезы бессилия:

– Я познакомилась с такими сволочами, как ты, когда расселяла семьи из этого особняка. Он мне был дорог историей, а не площадями. Тем, что он соседствует с кремлевскими стенами, а не с толстосумами, окопавшимися за ними. Я спасала то, на что всем было наплевать. Одна семья затребовала с меня две трехкомнатные квартиры – и получила их. Другая потребовала загородный дом – я построила его. Третья унесла с собой даже обои и половые доски для дачного сральника. Четвертую семью мне пришлось выкуривать: подпрягла ребят с хваткой бультерьеров... Я затратила бешеные деньги на ремонт. Теперь это мой личный памятник. Он стоит на том месте, куда его поставили в прошлом веке. Но там мог оказаться очередной шедевр Зураба – засранный голубями двухсотметровый монумент человеческому идиотизму. Я бы расселила и вас, будь у меня такая возможность! Все, пошел к черту, гад!

– Эмоции... – обронил генерал.

– Да, и это прекрасно! Это против вашего холодного расчета.

– Я не понимаю тебя.

– Надеюсь, что это так. Я только сейчас разобралась: если бы ты меня понял, то превратился бы в монстра. Ты чудовище, ты отстал от своих товарищей, Боря. Лучше бы ты прятался вместе с ними по подвалам и смолил бычки. А теперь уже поздно. Ты плохой человек, потому что у тебя нет вредных привычек. Как называют сотрудников территориальных подразделений «Альфы»? – неожиданно спросила Левыкина. – Кажется, «тяжелые фейсы». Им выдают документы прикрытия на чужое имя. Советую и тебе взять эту практику на вооружение. Не мочаль красивую фамилию!

– То, что сделал для тебя я, не сделал бы никто другой.

– Сильно сомневаюсь, – с вызовом ответила Любовь Юрьевна.

Первым делом она позвонила Михаилу Фрадкову и извинилась за то, что не сможет прийти на совещание кабинета. Во вторую очередь встретила своего знакомого.

– Подбрось меня до Внешторгбанка, возьмем кредитную карту на имя одной моей знакомой и завезем ее в «Пекин». Потом отвезешь меня на дачу.

Глава 3

Дом с привидениями

5

30 мая, понедельник

В начале девятого вечера служебная черная «Волга» остановилась напротив новостроя – так флотский разведчик Александр Абрамов называл возведенную коробку коттеджа и возвышающуюся над ней стропильную ферму – эту будущую крышу будущего дома. Глядя на это, Абрамов был близок к разгадке вселенной.

– Спасибо, Володя, – поблагодарил водителя капитан. – Смотайся к себе на дачу и подъезжай через часок.

– Понял, Александр Михайлович.

Абрамов редко пользовался служебной машиной. Но вот уже третий день его «Форд» стоит на «жестянке»: капитан не заметил арматуры, торчащей из бетонного блока, и пропахал металлическим прутком крыло и дверцу. В сервисном центре он на вопрос «Я на сколько влетел?» получил ответ: «На сколько мы оценим».

Абрамов вышел из машины и несколько мгновений стоял неподвижно. Некуда идти, вдруг подумал он. Домой? Так можно будет сказать через пару месяцев, не раньше. Можно будет добавить: к себе в кабинет, по плану – на втором этаже, окнами на заходящее солнце. Капитан запланировал поставить рабочий стол так, чтобы видеть и лесок за речкой.

Он прошел во двор по щебню. Его начищенные ботинки тут же запылились. Ему навстречу шагнул бригадир и первым протянул руку:

– Здравствуйте, Александр Михайлович!

– Здорово! – отозвался капитан. – Что слышно? Нет желания бросить все к чертовой матери?

– Никак нет! – по-военному отрапортовал строитель.

– Докладывай, что наворотили за день, что собираетесь наворотить. Не сдует ветром ферму?

– Для вас все сделаем как по учебнику, – улыбнулся чернявый бригадир в синей куртке и потертых джинсах. – Завтра в поперечном направлении устроим пару диагональных связей в каждом скате крыши – это для противодействия ветровым нагрузкам, – объяснил он, показывая руками, – как раз то, о чем вы спрашивали. Прибьем доски к основанию одной стропильной ноги и средней части соседней. В наслонных стропилах раскосы лучше делать между двумя соседними стойками. Это как у вашего соседа, – строитель указал на пограничный коттедж, окруженный высоким кирпичным забором.

Абрамов слушал бригадира, не переставая хмуриться. Ему выделили участок под строительство дома по соседству с Любовью Левыкиной. Капитан не мог толком объяснить, почему его не радует этакая смежность. Он стремился к покою, уединению, а Левыкины – шумная семейка. Флотский разведчик не мог понять свое состояние. Ему придется слышать голоса их многочисленных гостей, нюхать выхлопные газы их иномарок, припаркованных вплотную к его забору. И еще много чего сопутствующего. Эту сложную тему Абрамов необдуманно вынес на обсуждение своей агентурной группы. 24-летний Николай Кокарев выслушал начальника и

изрек: «Да, кто куда, а капсула нашего капитана снова в канализацию угодила. Может, вместо пистолета тебе разводной ключ дать?»

Сейчас дом Левыкиных отчего-то безмолвствовал. Он стоял словно заколоченный досками. «Дом с привидениями», – пришло определение его немоты.

Бригадир продолжал объяснения:

– Послезавтра начнем ставить обрешетку, загрунтуем и настелем рубероид. На следующей неделе, если погода будет сухая, начнем покрывать крышу. Вы определитесь, Александр Михайлович, красить кровельное железо или нет. Надо покупать грунтовку, краску... Вы обещали своего печника привезти. Где он? Воротник вокруг дымовой трубы надо по месту делать, а не резать потом металл и обрешетку.

Капитан не слышал строителя. Он смотрел на женщину, вышедшую из ворот соседнего дома. Это была министр Любовь Левыкина собственной персоной, и направлялась она сюда.

– Извини, – прервал собеседника Абрамов.

Он пошел навстречу женщине и чуть ли не столкнулся с ней возле фонарного столба: Левыкина сделала лишний шаг, словно намеревалась обнять соседа. Она не была пьяна, но координация ее была нарушена.

– Привет соотечественнику! – поздоровалась Левыкина, обдав капитана коньячным духом, и, не оборачиваясь, дала отмашку двухметровому опекуну: «Отстань!» – Как дела на морских просторах?

– Нормально, товарищ министр, – в духе советского времени доложил капитан.

– Слушай, давай перейдем на «ты», – предложила Любовь Юрьевна. – Ну какие мы будем соседи, если будем все время выкать. Пойдем ко мне, угощу тебя коньячком. Пьешь «Белый аист»?

– Извини, – принял новую форму общения Абрамов, наслышанный о независимой манере министра информации, – я на минутку заскочил, скоро водитель должен подъехать. Да и с бригадиром толком не успел пообщаться.

– А у меня новости, – глаза женщины вдруг увлажнились. И дальше она сказала так, что по телу Абрамова пробежал холодок. – *Говорят, Марина вроде бы жива.* – Любовь Юрьевна стала растерянной, руки ее дрожали, когда она доставала сигарету и неумело прикуривала на ветру.

– Она что... – с запинкой спросил Абрамов, – числилась в списке мертвых?

– Целый месяц от нее не было известий.

– Ее кто-то видел? – вынужден был спросить разведчик, ничего не понимая.

– Никто, – покачала головой Левыкина. – Говорят... попала на содержание к боссу латиноамериканского клана. Слушай, Саня, может, я тебя задерживаю?

– Да нет, все нормально, Любовь Юрьевна.

– У Марины подруга была – Ольга, – продолжила министр, пряча ложь в открытом взгляде и цепляясь за соломинку, за свой последний шанс, который пал на этого простого офицера из разведки флота. – Не из «высшего общества» – ты понимаешь, о чем я говорю. Они познакомились на ночной дискотеке – меня пригласили на открытие клуба, а я взяла с собой Маринку. Дочь не часто ходила туда, а Ольга из клуба не вылезала. Она познакомилась с парнем по имени Арсен, а тот в свою очередь был связан с испанскими воротилами шоу-бизнеса. Мол, может устроить на работу. Гарантии? То, что он не имеет отношения к фирмам-кидалам. Он за помощь денег не берет.

– Сколько лет этой Ольге?

– Семнадцать, ровесница дочери.

– Знаешь, Любовь Юрьевна, я приму твое предложение. Хочу хорошего коньяка попробовать. А то ты под этим делом, а я нет, – по-свойски заметил капитан.

– Тебе со мной неинтересно, я поняла.

– Я этого не говорил. Со мной ты можешь говорить откровенно – что и кем сделано за это время, почему подруга твоей дочери разговорилась, судя по всему, неделю или две назад...

Во дворе стоял представительский «БМВ» и джип охраны. Хозяйка проводила капитана в гостиную. Стол, накрытый полотняной клетчатой скатертью, сервирован бутылкой коньяка, парой бокалов, нарезанным лимоном. Посередине стояла бронзовая пепельница. Женщина достала из шкафа чистые бокалы и разлила коньяк. Они молча выпили.

– Откровенность не помешает, ты прав. Одна голова хорошо, а двадцать две – лучше. Под это дело задействованы все наши спецслужбы, «лучшие кадры», сказал мне директор ФСБ.

– Что им удалось выяснить? Но прежде ответь: Ольга не сама явилась каяться?

– О чем ты говоришь! Сожалеть, испытывать угрызения совести – таких слов она сроду не слыхала. Пусть не специально, но она подставила мою дочь. Маринка отговаривала ее: мол, дура, куда ты лезешь, попадешь в рабство. Она сама решила узнать, что это за контора, куда пригласили Ольгу. Большая общественница... – Левыкина лгала очень уверенно и сама себе удивлялась. По сути, она сочиняла на ходу. *Она опиралась на что-то важное, что все время ускользало от нее и кололо в самое сердце. Не обида и горечь поражения глодали ее, а что, что?* – вот об этом не переставала спрашивать себя Любовь Юрьевна.

– Марина взяла ее паспорт и явилась в офис на Кутузовском проспекте, начала расспрашивать об условиях, гарантиях. И домой уже не вернулась. В ФСБ мне приблизительно объяснили, как это делается: колют наркотик и в таком состоянии удерживают до места назначения. Трафик идет через Украину. Торговля людьми поставлена на поток. Ни на одном участке не произошло заминки. Как по маслу. Огромные деньги. Кто знает, может, Марина подошла по параметрам на девушку, которую хотел бы заказчик: она красивая медовая блондинка.

– Да, я видел ее несколько раз, – кивнул Абрамов.

– Я больше месяца ничего не знала. Если она мертва – где тело? Я все надежды похоронила. Все это держится в строжайшей тайне. Понимаешь, да?

Еще один кивок.

– Что толкнуло Ольгу на откровения?

– Это вопрос, который стоит задать. Визит в нашу страну колумбийки Сальмы Аланиз, – ответила она. – Сальма – сама нищета. Поездку спонсировала ее старшая сестра Агата Луперо. Сальма приехала, чтобы заработать на информации о русской девушке, содержащейся у наркоторговца Эспарзы. Зовут ее Марина, мать – министр информации. Другой такой девушки в России нет.

Левыкина кивнула на дверь:

– Видел бы ты меня, когда ко мне приперся генерал ФСБ – не буду называть его фамилию. Он решил разыграть сцену «На дне». Натянул прискорбную маску и начал натурально изгаляться, мразь! Есть кое-какие сведения, которые позволяют. Пауза. Сделать предположение. Снова замолк, гад, глаза – в пол! Что ваша дочь... находится... в плену. Я сразу с копыт вернулась. Что, кроме Чечни, мне могло прийти в голову?.. Отсюда видения зинданов, изнасилования, измывательства, отрубленные конечности... Выкуп, переговоры, которые вдруг зависают на волоске, голова, присланная по почте. Я ему чуть башку не разбила! Схватила стул... и по плечу Романову попала!

– Колумбийка – Аланиз, кажется, – деньги получила?

– Конечно. Я купила ей кредитную карту American Express, на котором завязано колумбийское турбюро. Не стала бы проверять, случись возможность пробить ее показания.

– Большая сумма?

– Для нее – да. Шестьдесят тысяч долларов. Она наверняка сможет перебраться в Штаты или в Бразилию. Впрочем, это ее дело, на что тратиться.

– Что тебе сказали в ФСБ?

– Ничего обнадеживающего. Лицо у Патрушева – типа «дело дрянь». – Левыкина наглядно продемонстрировала выражение главного контрразведчика страны. – А Лавров изъяснился в дипломатическом ключе: мол, вести переговоры с руководством Колумбии по этому вопросу – дело, требующее времени. Есть всевозможные рычаги, которыми можно поддавить, в том числе и через другие латиноамериканские государства, но нет достаточного опыта. Грядет первый в истории южноамериканско-арабский саммит, просветил он меня. Лидеры третьего мира вновь решили объединиться. Но не по части общей идеологии и нефтедолларов, а из-за ненависти к США. В Бразилию съедутся Махмуд Аббас, Хамад Бен Халиф, Уго Чавес, Луис да Силва. И там точно не будет колумбийского президента! Во как! А твое, говорит, дело, по большому счету, частное. Его темная сторона – этот долбаный Эспарза! Никто не рискнет доказывать его причастность к содержанию невольников. На таких людях, как он, держится вся коррумпированная система Колумбии. Не будет его, они передохнут с голоду. Лично я не представляю ситуацию, где Эспарза делает широкий жест: я возвращаю пленницу. На прошлом заседании кабинета мы только и говорили о том, что может быть на уме у Рафаэля.

– Я бы не стал утруждать голову такими глупостями. *Кто такой Эспарза – вот где кроется ответ.* Чем больше мы узнаем о нем, тем меньше он будет знать о себе.

– У него есть дочь – Паула Мария. Но это не значит, что он о ней напрочь позабыл!

– Сколько ей лет и откуда это известно?

– Ей восемнадцать, на год старше моей Маринки. В прошлом году ее вывозили на отдых в Испанию, и в этом году она тоже помышляет отдохнуть на море. У наших силовиков есть приличная база данных на наркобаронов. В общем, наши борцы отслеживают их связи с европейскими дилерами, – продолжала Левыкина, – но что толку? Дочь Эспарзы сама себе подбирает место отдыха – как курица копается в рекламных проспектах и делает выбор. Об этом Сальма сказала. Она работала на гасиенде Эспарзы, за какую-то провинность была изгнана. Паулу, дочь Рафаэля, – вот бы кого перехватить!

– Это ход. Но его нельзя делать в сложившейся ситуации.

– Почему?

– Потому что Эспарза сделает то, что недавно представилось тебе: пришлет по почте голову твоей дочери. У меня мелькнула одна мысль...

В это время через приоткрытое окно раздался автомобильный гудок.

– Как бы побыстрее смотаться от меня? – насмешливо заметила Левыкина. – Твой вагонножатый семафорит.

Абрамов, занятый своими мыслями, пропустил укол:

– Дай мне твои контактные телефоны, включая сотовые. Возможно, мне придется задать тебе несколько вопросов, уточнить кое-что, попросить.

– Ты мировой парень, Саня. В тебе говорит твоя отзывчивость... Зря я тебя загрузила своими проблемами.

– Ты сейчас думаешь: что может он, рядовой, можно сказать, разведчик? В отличие от наших генералов, мне не нужна раскачка. Потому что они боятся ответственности, прячутся за временем и своими манерами. А сколько смелых идей они закопали!.. И на все один ответ: «Вот когда встанешь на мое место...» Когда я встану, тоже, может быть, начну прятаться и зарубать дерзкие инициативы подчиненных... – Абрамов аккуратно сложил листок с номерами телефонов и сунул его в записную книжку. – Я ничего не обещаю, я посижу, проанализирую ситуацию, посмотрю, что может получиться из моей идеи.

Капитан шагнул к двери. Остановился, сосредоточенно нахмутив лоб. Он обладал исключительной памятью. Ровно четыре дня назад он видел Левыкину по телевизору. Он бы не обратил особого внимания на другого министра, но только не на свою «потенциальную» соседку. Любовь Левыкина отвечала на вопросы журналистов на тему приватизации «Связьинвеста».

То случилось в четверг, 26 мая. Александр Абрамов мысленно воспроизвел пару последних вопросов и ответов.

«Как повлияет задержка процесса приватизации государственной доли в «Связьинвесте» на разработку и реализацию стратегии развития предприятия?»

«Никакого воздействия на разработку стратегии развития предприятия нет».

«А как обстоят дела с капитализацией «Связьинвеста»?»

«Она возросла. Эта работа будет продолжаться. Всем спасибо!» – На этом министр информации закончила интервью.

В первую очередь Абрамов обратил внимание на внешность Левыкиной. Ее волосы были убраны назад и прихвачены черной лентой.

Черной траурной лентой, только сейчас поправился капитан. Вот, оказывается, в чем дело... Однако полной уверенности у капитана не было. И он, дабы не оставлять белых пятен, обратился за разъяснениями к хозяйке дома.

– Да, это было 26 мая, – подтвердила Левыкина. – *В этот день мне всегда хочется надеть что-то темное.*

6

31 мая, вторник

За неимением кабинета в своей однокомнатной квартире, которую Лолка называла лачугой, капитан Абрамов оккупировал кухню. На столе лежала книга любимого автора флотского разведчика – Фредерика Форсайта. Она называлась «Avenger» – «Мститель». Ее капитан читал в оригинале – на английском языке. Это история о плохом парне, который служил в сербском бандформировании, творившем насилие по всей Боснии во время войны. Потом он исчез, сделав хорошие деньги на международном рынке торговли оружием. Герой книги – freelancer, его работа – охотиться за людьми. Это история охоты одного человека за другим. Абрамов еще не дочитал до конца, но он был предсказуем: герой настигает негодяя и заставляет его предстать перед лицом справедливости.

В одном из интервью, данном Форсайтом интернет-проекту «Агентура», английский романист отметил, что для него главное – идея. Он вынашивает ее, как наседка высиживает яйца. Затем эта идея обрастает подробностями, характерами. Потом идет сбор информации, часто ее приходится искать по всему миру. Когда информация собрана, он принимается писать книгу. Это у него занимает примерно два месяца.

Главное – идея.

Почерк российского разведчика и подход к делу Форсайта были идентичны. Идею Абрамову преподнесла госпожа министр, и он, по сути, начал высиживать ее с первых минут той неожиданной встречи. И вот она уже мало-помалу обрастает подробностями, характерами, идет сбор информации.

Все очень схоже. Только капитану предстояло закончить свой «роман» реальным финалом, и тоже – предсказуемым.

Паула Эспарза собирается на отдых в Европу. Один из вариантов – подбросить ей наркотики, создать провокационную ситуацию. Чтобы зацепиться и посмотреть на действия ее отца, что он и его подкупленные чиновники предпримут в этой ситуации. А что предпримут российские спецслужбы? Это ход, но он не стоит выеденного яйца, его даже запасным нельзя назвать, но подумать над ним стоит хотя бы для того, чтобы больше не возвращаться к нему.

Подход к делу должен быть иным, гибким, иначе проиграешь, едва начав.

На взгляд Абрамова, агентура в странах Латинской Америки, в «колониальной» Колумбии в частности, работала плохо. Трудно кого-нибудь подкупить, поскольку тот же дон Эспарза предложит в два раза больше. Идеологические и религиозные моменты тоже не работали. Может быть, подумал Абрамов, в штабе есть выход на террористические организации Колумбии. Но пока дождешься связи, потеряешь время. Он знал о двух крупных группировках – это «Организация М-19» и «Революционные вооруженные силы Колумбии», обе марксистско-экстремистского толка.

Единственная возможность – задействовать свою агентуру в Европе, в той стране, на которой остановит свой выбор Паула Мария Эспарза. Только Паула может сказать все, что она знает о пленнице, о настроениях своего отца в таких вопросах. Вообще, сколько невольниц и как долго они у него живут. У него куча денег. Он может менять наложниц хоть каждый день. Абрамов не мог представить Рафаэля в окружении пожилых дам. Может, он перепродает или попросту убивает их. Вот это и многое другое предстоит узнать.

«Снова черт меня дернул за веревку», – незлобиво выругался капитан. Он представлял, какова будет реакция руководства на его очередную инициативу, и нимало на сей счет не беспокоился. Конечно, адмирал без церемоний может зарезать его начинание. Капитан 2-го ранга (вторую звезду на погоны Александр Абрамов получил месяц назад) – курица, несущая золотые яйца. Через раз. Запросто может снести боевую гранату или ядерный заряд. Что однажды и случилось в действительности.

Ему пошел тридцать второй год. Он был молод, энергичен, в отличной физической форме. Он подходил под определение «кого работа любит». Отчего до сей поры не обзавелся семьей.

Сегодня утром он встретился с майором Гораевым из Второго (страны Южной Америки в частности) управления ГРУ. Гораев был человеком незаметным, однако и он прославился в узкой «шпионской» среде. В конце 2000 года, когда ему меняли удостоверение Минобороны, молоденькая служащая из управления кадров совершила роковую ошибку. Она перепутала всего одну букву в фамилии майора, и он стал Гораебым. Причем целую неделю он не замечал бестрепетную ошибку.

Встреча с Гораевым произошла по предварительной договоренности в районе станции метро «Полежаевская». Разговор начался с вопроса капитана Абрамова:

– Ваше управление интересуется колумбийскими наркобаронами вроде Рафаэля Эспарзы?

– Для военной разведки они не представляют никакого интереса, – слегка нахмурился майор. – Для нас важно, сколько в Колумбии военных кораблей, где они находятся.

– Ответь, Валера, что если я захочу купить какой-нибудь колумбийский футбольный клуб?

– С точки зрения внутренней безопасности ты нас, конечно же, заинтересуешь: откуда у тебя деньги и куда они уходят из страны.

– Значит, о структуре колумбийских наркогруппировок ты ничего не знаешь.

– Они все на одно лицо, – ответил Гораев. – А в последнее время они сильно обмельчали...

После гибели Пабло Эскобара центр производства и контрабанды наркотиков переместился в город Кали, а ключевыми фигурами в наркомафии стали братья Хильберто и Мигель Родригес. Калийский картель, в отличие от Медельинского, работает по принципу крупного холдинга. Доходы от контрабанды наркотиков вкладываются в легальный бизнес – строительство, туризм, сельское хозяйство.

– Считается, что сейчас в Колумбии осталась лишь одна сравнительно крупная мафиозная группировка – картель Норте-дель-Валье, – продолжал Гораев. – Но и он уже потерял свое влияние в результате действий правоохранительных органов, а также из-за внутренних проти-

воречий. Если отвечать на твой вопрос конкретно, то небольшие преступные группировки не нуждаются в вооруженной охране.

– Почему? Им что, не нужно защищать свою территорию?

– Этим занимаются крупные колумбийские незаконные вооруженные формирования. Небольшие мафиозные организации занимаются в основном переправкой кокаина за рубеж, используя быстроходные катера, курьеров, сети уличных торговцев и так далее. В каждой группировке обычно есть человек, занимающийся отмыванием денег и их инвестированием в легальный бизнес. Имя им – мафия. Что там легион...

– А что видно со спутников? – спросил Абрамов. – На недавнем совещании в штабе адмирал затронул вопрос о том, что агентурная работа сдает свои права перед электронной разведкой и открытыми источниками. Я сидел в шестом ряду и дремал от скуки, а при этих словах шефа чуть не вскочил на ноги.

– И что, интересно, тебя подбросило? Кому нужны скандалы после выявления «кротов» и дезинформации двойных агентов?

– И политический вред от них намного больше, – рассмеялся Абрамов. – Слышал от докладчика. Только он забыл упомянуть про агентурно-боевые группы, создаваемые под специальные случаи.

– И ты курируешь такую группу, – проявил смекалку майор.

– Наблюдаю издаലെка. Как спутник-шпион.

Гораев на секунду замялся. По сути, разговор закончен, только что-то удерживало офицера ГРУ.

– Можешь сказать, почему ты интересуешься колумбийскими наркоторговцами? – спросил он.

В глазах коллеги Абрамов заметил легкую настороженность. И воспользовался потерей бдительности «Гораева».

– Сначала скажи, почему ты спросил об этом. Может, у нас обоюдный интерес? Мне помогут твои сведения, мои – тебе.

– Резонно, – усмехнулся майор. – Наше управление напрягли сверху именно по колумбийскому вопросу.

«Ух ты!» – мысленно воскликнул Абрамов.

– Когда? – спросил он.

– Неделию назад. На уши поставили. Мы просклоняли весь Медельинский картель, включая и Эспарзу. Он откололся от картеля и автоматически образовал свой клан. Сейчас Рафаэль человек не большой, не маленький. Но прошлое за ним большое. Раньше его влияние измерялось по иной шкале. Представь себе губернатора с его влиянием и связями. Вот он проигрывает на очередных выборах, сверху никаких предложений не получает, открывает свое дело. До поры до времени он пользуется старыми связями, но они потихоньку угасают.

– Рафаэль оказался в схожем положении?

– Точно. Но весь сыр-бор из-за другого человека, имя его – Рауль Кастро.

– Министр обороны Кубы, – покивал Абрамов. – Наш человек. В какой связи всплыло его имя?

– В связи с деятельностью Медельинского картеля, – ответил Гораев. – Ближайший сподвижник покойного Эскобара заявил в интервью колумбийской и испанской прессе, что Рауль поддерживал постоянные и тесные связи с наркокартелем и обеспечивал безопасное прохождение кокаина через территорию Кубы. Я ознакомился с этим интервью в оригинале.

– В этом подходе к делу мы с тобой как близнецы. Интересный документ?

– Очень.

– Дашь почитать?

– Дам ознакомиться. Сделаю копию, – пообещал майор. – Именно он насторожил нашу военную верхушку. Так вот, связным Рауля Кастро был его подчиненный, армейский капитан Сальваторе Мендес, который неоднократно приезжал в Колумбию для встреч с Пабло Эскобаром. Что касается Рафаэля Эспарзы, то тот сам неоднократно бывал на Острове. Во время этих встреч намечались маршруты переброски кокаина на Кубу на самолетах с последующей доставкой его в Майами на скоростных катерах.

– Министра обороны, насколько я знаю, не раз обвиняли в связях с контрабандистами.

– Да, Рауль Кастро лично руководил операциями по переброске колумбийского кокаина в США с использованием кубинской территории как транзитного пункта. В начале 90-х годов американская прокуратура подготовила обвинения в контрабанде наркотиков против нескольких высокопоставленных кубинцев.

– Знаешь их имена?

– Прочтешь в распечатке. Помимо министра обороны, там фигурирует командующий военно-морским флотом республики.

– Тоже наш, флотский, товарищ. Что дальше?

– Кубинцы занимались наркоторговлей в течение, по крайней мере, десяти лет, и за это время в США были доставлены тонны кокаина. В 1987 году на Кубе уже был проведен масштабный процесс по обвинению трех высокопоставленных офицеров и генерала в торговле наркотиками. Связной Рауля с Медельинским картелем капитан Сальваторе Мендес признался, что неоднократно встречался с Эскобаром.

– Восемнадцать лет прошло, – вычислил Абрамов. – Что стало с тем капитаном?

– Мендеса расстреляли 30 мая 1987 года. Равно как и трех других кубинских военных. Они взяли всю вину на себя и унесли с собой в могилу информацию, которая могла бы скомпрометировать их босса Рауля Кастро. Теперь очередь за тобой.

– В каком смысле? – опешил Абрамов. – Стать к стенке?

– Выложить свою заинтересованность в этом деле. Может, твоя информация поможет нам.

– Вашему управлению поставили конкретную задачу, или вы шарите наугад?

– Задача вытекает из интервью контрабандистов: разговорились двое, значит, и другие могут сболтнуть лишнего. Все дело крутится вокруг нашего военного присутствия на Кубе. Нас могут обвинить в пособничестве переброске колумбийского кокаина в Штаты.

– Выходит, мы пичкали американцев кокаином. Удачный ход.

– Я этого не говорил. Так что у тебя есть интересного?

Абрамов выдержал классическую паузу:

– Дочь нашего министра связи Левыкиной угодила в лапы донэ Эспарзы. Она же внучка бывшего начальника Управления радиоэлектронной разведки ГРУ Юрия Брилева, который руководил радиоэлектронной разведкой на Кубе с 1985 по 1987 год. Когда, говоришь, расстреляли капитана Мендеса? В 87-м?

– Откуда у тебя такие сведения? – непроизвольно заикнулся Гораев.

– Из первых рук. От Любви Юрьевны Левыкиной. Нет ли связи между интервью твоих наркодельцов и дочерью генерал-полковника Главного разведывательного управления? Вот вопрос века! Даже со спутников его не решить.

...Коснувшись темы спутников, капитан поторопил себя: бросай ломать голову. Пусть и временно, но последние полгода с ним шагала по жизни прелестный спутник по имени Лолита. Он не хотел напарываться на справедливое замечание девушки: «Как же все это знакомо...» Он открыл форточку, вытряхнул из пепельницы окурки и покинул свой прокуренный «кабинет».

Лолка сидела в кресле и зубрила испанский. У Абрамова отлегло от сердца, когда девушка на его поцелуй в щеку подняла указательный палец:

– Не мешай, Саня!

Он мог бы помочь ей – Абрамов свободно общался на четырех языках, включая язык свобододолюбивой Кармен и неповторимой Монсеррат Кабалье.

Лолита приехала из Испании два дня назад. Она входила в агентурную группу Абрамова. Агенты работали под прикрытием инструкторов подводного плавания и служащих отеля Dream's Beach, что неподалеку от Порт-Аventura. Лолита Иашвили проходила как владелица этого роскошного гостиничного комплекса в Каталонии.

Ровно в одиннадцать вечера, когда Абрамов приготовился посмотреть выпуск новостей НТВ, раздался звонок. Капитан открыл дверь и увидел двух человек лет тридцати с военной выправкой и с оригинальным отпечатком на лицах: «Привет из 37-го».

– Александр Михайлович? – Широкоплечий парень изобразил суховатую улыбку.

– Он самый, – ответил Абрамов.

– С вами хочет поговорить один человек.

– Генерал-полковник Брилев? – с первого раза угадал капитан.

Гэрэушник улыбнулся чуть шире и промолчал.

– Одну минуту. – Абрамов оставил дверь открытой. Он вернулся в комнату и склонился над Лолкой, сидевшей в кресле. – Как только я уйду, выходи следом, – прошептал он. – Лови машину и уезжай за город. Жди моего звонка.

«Да, я поняла», – кивнула девушка.

Капитан набросил на плечи ветровку, прихватил непочатую пачку сигарет и вышел из квартиры. Он демонстративно закрыл оба замка, давая понять, что дома никого нет.

Двигатель у непримечательной «Волги» оказался форсированным. Машина неслась по трассе, как скоростной военный катер по глади моря, направлением на запад. На выезде с Можайского шоссе – 54-й километр, на сложной дорожной развязке, походившей на четырехлистник в середине ромба, «Волга» свернула на Московскую кольцевую дорогу. Проехав две заправки и пост ГАИ, она снова повернула направо, выезжая на Сколковское шоссе. Абрамова везли к министерскому дому, на «окраину» коттеджного поселка «Сетунь». Ладно, я хотя бы посмотрю, что нагородили строители для противодействия ветровым нагрузкам, ухмыльнулся капитан.

7

Генерал-полковник Брилев был бы на пике возможностей, если бы ему дали прослужить до 65 лет. Его суровое лицо было испещрено мелкими и изрезано крупными морщинами. Он был высокого роста, с абсолютно прямой спиной, словно носил скрытый под одеждой корсет. Он не растерял влияния до сей поры.

– Садись, – генерал, не здороваясь с гостем, указал на стул в гостиной. Казалось, стул еще хранил тепло капитана, сидевшего на нем всего сутки назад.

Генерал-полковник стоял возле окна, не мигая глядя на капитана.

– Догадываешься, зачем тебя привезли сюда?

– Да, Юрий Васильевич, – ответил Абрамов, принимая приглашение. – Мои строители мешают вам отдыхать на пенсии.

– Не строй из себя умника, – ровным голосом предупредил Брилев. – Если понадобится, мой бульдозер подомнет и тебя вместе с грудой кирпичей. В наших узких кругах упоминали твое имя в связи с секретной операцией в Египте.

– Да, это была неплохая работа.

– Не хвались – ты чуть было не провалил дело. Ты спланировал и провел операцию в течение недели.

– Зато кассовые сборы оказались неплохие.

– Чуть подробнее остановись на том, почему решил действовать самостоятельно, – перебил генерал.

Капитан пожал плечами так, словно под ветровкой началось возведение муравейника.

– Я спросил начальника флотской разведки, могу ли я использовать для работы то-то и то-то, а ответом послужили слова адмирала: «Откуда я знаю, что ты можешь?» В результате была обезврежена преступная международная группировка, был предотвращен крупный теракт. Лидера группировки мои агенты ликвидировали спустя два месяца в египетском Дахабе.

– Ты не ответил на мой вопрос. Ну ладно, черт с ним. Расскажи мне про твою агентурную группу.

– Толковые ребята, – улыбнулся Абрамов. – Никогда не действуют «от большого желания». На вопрос «На каком расстоянии противник?» они отвечают: «На расстоянии бойка до капсюля».

Брилев посмотрел на часы.

– Мы знакомы меньше пяти минут, а ты мне уже надоел. Твои агенты готовы к работе?

– Подготовка к работе идет через работу. Их гоняли в армии. Сейчас им нужны поддерживающие тренировки. Чем они и заняты большую часть суток. Испанский курорт для моих агентов – это, как ни странно, *worm up area* – разминочная территория.

– Ты встречался с майором Гораевым?

– Так точно, товарищ генерал. Сегодня утром.

– Мы обеспокоены возней вокруг наркокартелей. Нас насторожили интервью первых лиц колумбийской мафии. Мы не знаем причин, которые подтолкнули боссов наркокартелей к откровениям. Эспарза молчит, но он не исключение. Эта колумбийская дрянь может разговариваться! – скрипнул зубами Брилев. – Гораев сделал правильный вывод: наше беспокойство связано в первую очередь с нашим военным присутствием на Кубе, пусть даже оставшимся в прошлом. Если бы не ты и твоя агентурная группа, получившие высшие оценки командования ВМФ, наш разговор давно бы закончился. Получил бы распоряжение молчать и отправился сторожить свои кирпичи! Где базируется твоя группа? Отвечай, не жди подтверждения моих полномочий. Я состою советником начальника ГРУ по многим вопросам.

– В Испании, товарищ генерал.

– Дальше. Мне подгонять тебя? – Брови Брилева грозно сошлись к переносице. Он не изменил своей позы: скрестив руки на груди, он стоял между арочными, плотно зашторенными окнами.

– Мы тщательно подбирали место для базирования. Изучили десятки предложений о покупке отелей и гостиничных комплексов на всемирно известных курортах. Остановились на следующем анонсе: «Продается гостиничный комплекс *Dream's Beach*, расположенный в лучшей части лагуны. Ориентировочная цена 14 миллионов евро. Возможна аренда с обслуживающим персоналом сроком от трех лет...»

– Решение не уникальное, – заметил генерал, перебивая собеседника. – В 70-х мы приобрели несколько заграничных отелей и собирали информацию от клиентов, среди которых были военные моряки США, Великобритании.

– Может быть, – Абрамов неопределенно пожал плечами. – Зато уникальна сама агентурно-боевая группа.

– В каком плане?

– Отель «Берег мечты» был выкуплен бывшими бойцами морского спецназа за свои деньги. Руководство флотской разведки помогло им легализовать доходы от криминального бизнеса и тем самым сохранить состав в неприкосновенности. Более удачного вложения, в том числе и на «благо разведки», придумать было невозможно.

– Выгоду от обоюдного интереса почувствовали обе стороны?

– Пока что обрели спокойствие и уверенность. Мои агенты вживаются в новое состояние – когда свое, собственное, – это до некоторой степени общее.

– Командир группы Евгений Блинков?

– Да.

– Остановись на нем поподробнее. Начни с его краткой биографии. Меня устроит казенный стиль. Для меня всегда были важны три вещи: человек, его документы, его история. Закуривай, если хочешь. Но лучше воздержись.

«Как скажете», – пожал плечами Абрамов. И не стал воздерживаться от курева. Но действительно придержался предложенного генералом суховатого языка.

– Евгений Блинков – агентурный псевдоним Джеб. Родился 12 марта 1977 года в Москве. После окончания школы он поступил на факультет иностранных языков в коммерческий институт, через четыре года получил диплом бакалавра. В том же году поступил в ГИТИС на специальность актера музыкального театра. Отучившись два года, из театрального института ушел. В марте 2001 года, за несколько дней до приказа о весеннем призыве в армию, его вызвали повесткой в военкомат, предложили пройти службу в элитном подразделении, где одним из основных требований было знание иностранного языка. В начале мая Блинков был направлен в Севастопольскую школу водолазов. Прошел годичный диверсионный курс в учебном центре ВМФ в Таганроге. Последние три месяца службы находился в составе диверсионно-разведывательной группы при 184-й бригаде кораблей охраны водного района. В конце марта – начале апреля 2003 года участвовал в операции Минобороны в Персидском заливе. За проявленное личное мужество был награжден именными часами.

Брилев пару раз кивнул: «Слушаю, дальше».

– В течение семи месяцев команда Блинкова занималась морскими грабежами. Бывшие морские «котики» совершили три нападения на суда российской фирмы. Та занималась контрабандой: закупала по дешевке алмазы в Либерии, обрабатывала и реализовывала на европейских рынках как якутские. Выискивая дерзких пиратов, реквизиравших драгоценные камни на миллионы долларов, эта фирма обратилась ко мне за дополнительной информацией о разбойных нападениях в Красном море – а это мой район ответственности. Я решил вытащить группу Блинкова из-под удара в обмен на конкретную работу уже в качестве агентурно-боевой единицы разведки ВМФ. Благо, что никакого уголовного дела на них заведено не было.

– В разведке флота ты возглавлял отдел. Руководство прочило тебе должность военноморского атташе в Египте.

– Вы лучше меня знаете, что бывают ситуации, когда нельзя отказываться. Перед некоторыми вещами трудно устоять. Я осознанно согласился курировать агентурную единицу.

– Охарактеризуй группу в двух-трех словах.

– Романтики с большой дороги. В их работе смелость и тонкий расчет всегда выводят на прямую, называемую удачей. Фортуна любит дерзких и красивых. А мои парни обречены с ней.

– Ты встречался с Любовью Юрьевной, – генерал сменил курс. – Что ты ей наобещал и на чем базировалась твоя уверенность?

Абрамов ответил без намека на паузу:

– Я тщательно изучал туристический бизнес, проштудировал как специальную литературу, так и «ширпотреб»: многочисленные рекламные проспекты и путеводители.

– Если бы ты снова встретился с ней, что бы сказал, попросил?

– Я бы попросил Любовь Юрьевну узнать, какие рекламные проспекты в ходу в Колумбии. Думаю, министру информации это по силам.

– Зачем? – Брилев пожал плечами. – Мы точно установим, в каком именно отеле останавливалась Паула Мария Эспарза. *Ведь речь идет о ней, да?*

Брови капитана Абрамова сошлись к переносице. Он буквально уловил сдавленное дыхание генерала. Казалось, тот с трудом произнес эту короткую фразу и едва выговорил имя крепости.

– Мы думаем о разных вещах, – ответил капитан. – Я – разведчик.

Вены на шее Брилева набухли, лицо покраснело.

– А я кто, по-твоему?! Хрен собачий?! – взорвался он.

– Мне нужно сделать ход, – Абрамов одарил генерала мимолетной улыбкой, – и ждать от противника шаг, на который я рассчитываю. Я только сегодня понял, чего не хватает в туристических справочниках. Теперь мне важно узнать, кто такая Паула Мария Эспарза.

– И кто же она?

– Молодая девушка, чьи капризы родители покрывают, как бык корову. Она по сути – затворница, мечтает о синей птице. Ей позволено раз в году бывать в Европе, в Испании. По большому счету, Испания для ее отца – колумбийский филиал по части сбыта кокаина. Там у него надежные связи с преступной средой и жандармерией. За Паулу он спокоен в Испании. И еще раз вернусь к затворницам. Они, как девственницы, живут грезами. Я хочу реализовать мечты Паулы, воспользовавшись этим переломным моментом. В конце беседы я бы попросил Любовь Юрьевну раскошелиться на рекламу. А дальше, как в кино: брюки превращаются в элегантные шорты.

– У Миронова «молния» заела, и в шорты превратилась только одна штанина.

– Так это же комедия, Юрий Васильевич! Стали бы вы смеяться, если бы все прошло гладко?

Абрамова подмывало спросить генерала: «Почему, размышляя над этим делом, я оперировал словами «пленница», «невольница», «рабыня» и ни разу мне не пришло в голову назвать девушку дочерью министра? Кто она?»

Юрий Васильевич словно подслушал мысли флотского капитана.

– Моя внучка сейчас отдыхает в Греции. Любовь Юрьевна по-женски, как мать, близко к сердцу приняла трагедию, где незнакомая девушка прикрылась ее фамилией.

– Значит, дело закрыто? Нет человека – нет дела? – автоматически вырвалось у Абрамова.

– Наоборот. Действуй по своему плану. Если твой проект выгорит, получишь окончательную установку на реализацию.

– Товарищ генерал, чтобы мой план выгорел, мне нужно пообщаться с Сальмой Аланиз, пока она не уехала. Узнать кое-какие детали о жизни Паулы Марии. Ее привычки и пристрастия, что она любит и от чего бежит.

После непродолжительного раздумья Брилев дал согласие:

– Думаю, короткую встречу можно устроить.

– Мне нужен приказ адмирала.

– Завтра ты его получишь.

Уподобляясь лейтенанту Коломбо из одноименного телесериала, Абрамов с порога задал вопрос:

– Еще одна вещь, товарищ генерал. В беседе со мной Любовь Юрьевна упомянула генерала ФСБ Романова. Думаю, речь шла о замдиректоре Управления контрразведывательных операций.

– Что дальше? Хочешь знать, она назвала его от фонаря или его визит имел место быть?

– Да.

– Романов оградил Любовь Юрьевну от многих проблем. Если мне взбредет в голову дурная идея поздравить Бориса с Новым годом, я отдельной строкой выражу ему особую признательность. Они дружат со школы, и я знаю Борю как облупленного. Надо отдать ему должное, он умело погасил конфликт, – откровенничал генерал. Но не ради того, чтобы просто поболтать на отвлеченную тему. Он полагал, что отпугнет недозволенные мысли капитана, если назовет

еще одно, довольно влиятельное лицо от контрразведки. Эти клещи не позволят Абрамову дернуться. – Люба хотела привлечь внимание к этому делу, подключила гендиректора REN TV. Она успела дать интервью, но сами телевизионщики не успели подать его в эфир.

– Да, она действительно избежала скандала... Выходит, Романов еще раз может пойти на жертвы? Я это говорю к тому, товарищ генерал, что Романов не доложил вышестоящему начальству.

– Полагаешь, у него был выбор? Думаешь, он не брал в расчет меня, генерала военной разведки?

«В каком ключе проходили встречи Левыкиной и Романова? – пытался представить капитан. – Их последняя встреча наверняка была пропитана эмоциями – как пить дать. Точнее, эмоции хлестали из Романова пожарной струей и явно перебивали фонтаны чувств министра», – в таком чуть лирическом ключе закончил размышления Абрамов, не предполагая, как близок он был к содержанию разговора между министром и силовиком.

8

1 июня, среда

Александра Абрамова удивила сухость, какой его встретил начальник разведки флота. Его изумило то, чем был занят адмирал Школьник, кивком головы поприветствовавший своего подчиненного: старый морской волк чистил медной проволокой свой хорошо прокуренный мундштук. Он вытирал проволоку салфеткой, покрывшейся ровными треугольными следами смолы. «С содержанием никотина», – мысленно дополнил малость обескураженный капитан. И не мог воздержаться от следующего комментария: «Капля никотина убивает лошадь». Адмирал будто намеренно демонстрировал эту убойную силу, собранную на салфетке; ею он мог завалить целый табун; что говорить о самом капитане и его агентурной группе.

Школьник пососал мундштук, и в кабинете начальника разведки раздался чуть слышный булькающий звук, походивший на свист боцманской дудки.

– Тебя кто уполномочивал встречаться с Гораевым? – вкрадчиво начал адмирал. Казалось, он обращался к обезглавленной сигарете, с которой он оторвал фильтр и пристраивал ее в разношенное отверстие мундштука.

– Никто, Виктор Николаевич, – ответил Абрамов. – Я прочитал в газете про Медельинский картель, тема мне показалась интересной. Ну и решил копнуть...

– Копнул? – хмуро перебил Школьник.

– Так точно. Сегодня я получил от Гораева дополнительный материал в виде распечатки пары газетных статей.

– Вернее, ты докопался. Теперь ты можешь рассчитывать лишь на одно мое распоряжение: с этого момента ты беспрекословно выполняешь все приказы генерала Брилева. Все, капитан. Скажет он тебе играть на гармошке, ты будешь играть. Присаживайся, – разрешил Школьник, – и крути волчок: что, где, когда. Хотя, честно говоря, не хочется мне влезать в это дело. Я не люблю Брилева, он всегда недолюбливал меня. Он замкнутый тип. И только волею случая он не возглавил военную разведку в 1997 году.

– А сами вы, Виктор Николаевич, получили приказ? – спросил Абрамов, принимая приглашение и устраиваясь напротив шефа.

– А ты как думаешь?... По форме – нет, конечно. Я выслушал по телефону общие указания. Звонившего я знаю лично, но не знаю, имел ли он на сей счет директиву от Минобороны. Такое в моей практике и раньше случалось, и всегда меня коржило от таких завуалированных приказов. Играешь, разумеется, но на чьей стороне и не против ли себя?..

– Человек, который позвонил вам, уже не состоит на службе? Думаю, он постарше Брилева будет. Его не Петром Сергеевичем кличут? Слышал я краем уха, он руководил в свое время военной разведкой.

– Валенком не прикидывайся, Саня. В деревенской обуви ты не спрячешь даже одной своей проблемы. Думай что хочешь, но мысли свои вслух не произноси, – предостерег адмирал, отчетливо представляя бывшего начальника ГРУ с его отвратительной привычкой позевывать во время разговора и обнажать розовую вставную челюсть. – В общем, следуй указаниям лечащего врача. Знаешь, по характеру кода, даже не дешифруя сообщения, можно определить национальную принадлежность передатчика. А при определенном опыте практически на глаз можно определить даже важность сообщения – по сложности шифра. В этом деле, условно говоря, шифр настолько сложен, что дело мне представляется архиважным. От него за милю несет национальной секретностью. Брилев... – Адмирал невесело ухмыльнулся и покачал головой, не мигая уставился на Абрамова. – К нему, как к старому карабину, прикнули новый штык – твою агентурно-боевую группу, легализовавшую преступные деньги в испанскую недвижимость. Если закавычить слово «официальность», то ничего официального в этой операции нет и не будет. Разведка будет помогать вам, но оставаясь в стороне и вас оставляя на положении, которое тебе хорошо известно: «Пошатнетесь – мы вас толкнем. Упадете – мы на вас плюнем». А со стороны посмотреть, все у вас есть – и сырок, и колбаска порезанная.

– Значит, и генерал Брилев оказался в таком же положении?

– Не знаю, Саня, не знаю... Но ты держи меня в курсе самых проблемных моментов этого дела. Знаешь, есть анекдот про генерала, который поставил раком весь гарем Абдуллы. Тыкнет одной разок и переходит к другой со словами: «Все, что могу...» Мне не хочется, чтобы тебя и твоих агентов поймали таким образом. Удачи тебе, капитан.

Глава 4

Глаза кобры

9

Испания, 6 июня, понедельник

В половине второго на «Берег мечты» высадился десант из рекламного производственного отдела московской компании «Авангард & Ass.». Александр Абрамов не стал уточнять, откуда появилось такое название, способное отпугнуть любого клиента: «Жопа, она и есть жопа, пусть даже после нее стоит точка».

Во главе отдела стояла Анна Ренникова – брюнетка лет тридцати пяти, с роскошной грудью и точеными ногами. Поначалу капитан воспринял ее прическу как хаос на голове, однако, присмотревшись внимательно, оценил блицукладку «на все случаи жизни». Такая искусственная путаница на голове делала женщину на пару-тройку лет моложе. Впрочем, ее возраст не нуждался в корректировке типа плюс-минус. Она была «то, что нужно». Не пережаренная, в самом соку. Ей был к лицу офисный костюм нежно-розового цвета с блузкой-майкой цвета воронова крыла. Низ короткой и узкой юбки был оторочен черным шелком, словно это проглядывала сорочка. Тонко, пикантно, подметил Абрамов, здороваясь с Ренниковой.

– Алекс, – представился он, чуть задержав в своей руке ее гладкую ладонь. – Добро пожаловать!

Женщина поставила сумку на мраморное покрытие холла и пощелкала пальцами, подзывая своих коллег.

– Так, быстренько, ребятки, подошли ко мне! Саша, Оля, подтягивайтесь! – Когда возле нее образовался пестрый полукруг, она в скором темпе представила рекламный десант: художника-редактора, художника, стилистов, фотографов и их ассистентов.

– Каскадеры еще не подтянулись? – спросил Абрамов. Он пошел по кругу и поздоровался с каждым. В общей сложности он пожал восемь рук и взглянул в восемь улыбающихся, принявших шутку капитана лиц.

Анна щелкнула зажигалкой и прикурила сигарету. Решила сразу обозначить, в чьих руках инициатива, что высадились на эти сказочные берега не подтрунивать.

– Алекс – такое обращение меня не устраивает. Александр Михайлович – очень даже хорошо. Мне нужен одноместный номер, а ребят расселяйте по двое-трое. Мы пообедаем, а потом соберемся у меня в номере поговорить. Лолита Иашвили примет участие в обсуждении рекламного проекта?

– Я представляю интересы хозяйки отеля.

Ренникова напирала, как мадонна на выезде, заметил Абрамов. И не удивился бы просьбе «рекламной звезды» оборудовать зал для фехтования. Генерал-полковник Брилев, подобрав наконец-то рекламную компанию, специализирующуюся в туристическом бизнесе, его сразу предупредил: «Готовься на неделю поменять привычный уклад жизни. Ренникова классный специалист, у нее напрочь отсутствуют комплексы». Что подтвердилось на все сто процентов. Но прежде всего Абрамова заинтересовало и привлекло в Ренниковой ее образование психолога.

Он взял на себя обязанности дежурного администратора.

– Я покажу вам ваши комнаты.

Через полчаса десант занял места в ресторане. Анна Ренникова поменяла решение и пригласила Абрамова за свой столик, стоящий в тени каменной колонны открытого ресторана. Она взяла предложенное меню и остановилась на рулете из индейки и овощном салате. Пара бутылок испанского вина уже стояла на столике.

– Мас-Боррас? Мило, – удовлетворенно покивала Ренникова. – Налейте, если не трудно. Я пробовала его в Жероне. Отличный букет! – похвалила она, сделав глоток красного, с лучших виноградников, вина. И перевела беседу в деловое русло. – Вы лично знакомы с Любовью Юрьевной? Как вы понимаете, мы работаем с вами по ее рекомендации.

– Я видел ее пару раз, – ушел от прямого ответа Абрамов.

– Мы стараемся учитывать пожелания заказчика, – тут же продолжила Ренникова. – Чаще всего бывает так, что заказчик принимает нашу, профессиональную, концепцию. Мы давно и успешно занимаемся рекламой в сфере туризма. Это наш бизнес. Вижу, у вас проспект, где размещена наша реклама.

– Ваш продукт, – уточнил капитан, взяв в руки туристический путеводитель. Ренникова умеет говорить. Сейчас Абрамов выяснял, умеет ли она слушать и прислушиваться к мнениям клиентов. – Я открываю журнал наугад, – приступил он к делу. – Фото на четверть страницы. Серая улица, километровый стол, сотня голодных аборигенов, с тоской и нетерпением взирающих в объектив. Текст под снимком гласит: «За пять минут до вечернего разговения». Думаете, мне, потребителю туруслуг, это интересно? Мне неприятно глядеть на людей, которые собираются нажраться до отвала. Дальше. Вы снимали Амстердам. «Самый популярный вид транспорта – велосипед». Стоит железяка у чугунного парапета. Бедная, покинутая. Где велосипедист? Пошел, пардон, отлить? Дальше. Россия. Под фотографией текст: «Здесь родился композитор Римский-Корсаков». А на фото его памятник. Славно. Заграница. Фото ночного города на полстраницы. Переднего плана нет вообще, взгляду не за что зацепиться. Ну огни, реклама, столики, официанты. И вот текст: «Ночная жизнь. Поскольку днем слишком жарко, многие выходят погулять с детьми, пообщаться с друзьями, а некоторые, например строители, – и поработать». Мне, туристу, это надо? Мне в своей стране осточертели друзья с детьми, а строителей, которые работают по ночам, я готов расстрелять из автомата. Имеет смысл смотреть дальше?

– Комментировать, – отдала долг Анна. – Даже не критиковать.

Да, она универсальный человек, с удовлетворением отметил капитан. Она ни разу не перебила собеседника, слушала его очень внимательно, а не делала вид.

– Знаете, чего не хватает в этих журналах? – спросил Абрамов.

– Чего же?

– Жизни. По сути, журналы мертвы, в них описаны природные условия, история, музеи, проживание и прочее. Вся реклама на одно лицо. Точнее, она безликая. Если бы я захотел привлечь в свой отель туристов, я бы поставил на личности. Вы, должно быть, обращали внимание на рекламу иномарок, как проходят выставки новых образцов. Возле каждого авто полуголая девица. И порой трудно понять, что тебя больше привлекает. И ты выкладываешь деньги за олицетворенную мечту.

– Только не я, – с гордой небрежностью заметила Ренникова, сопроводив замечание высокомерным жестом итальянки.

– Мое пожелание такое: создайте лицо нашего гостиничного комплекса. Передайте живую и неповторимую атмосферу этих мест. Чтобы интерес приковал мое внимание. Знаете, это глаза кобры. Они смотрят не мигая, и ты не можешь оторваться от них, не смеешь пошевелиться. Я хочу видеть гипноз на каждом снимке.

– Поговорим об объеме.

– Остановимся на пяти-шести страницах и десятке фотографий. Вы посмотрите несколько человек, снимете их, изучите их фотогеничность, соответствуют ли они нарисованному мною стандарту.

– Не хотите пригласить профессиональную модель? Я все устрою. Это не так дорого.

– Модель приедет и уедет. Лично я был бы приятно удивлен, встретив знакомое лицо с обложки. Все честно, без обмана. Теперь ссылка: я хочу привлечь на отдых красивых молодых девушек-латиноамериканок. Флирт с инструктором подводного плавания для многих – притча во языцех. Дальше – психология. Маньяки действуют в пределах своей расы: черные тянут свою «серию», белые – белую.

– Мы будем говорить о маньяках?

– Поговорим о симпатиях. И тут я соглашусь с вашим выбором, положусь на ваш вкус и опыт. Присмотритесь к моим парням, наблюдайте за ними, снимайте их на камеру, пошлите вечером-другой снимками. И почувствуйте себя как дома, а не как на работе, – необязательно предложил Абрамов. – Думаю, это всем пойдет на пользу.

– Какие услуги предлагает ваш отель? – Ренникова подцепила вилок румяный кусочек индейки и отправила его в рот. Запила глотком вина.

– Услуги самые разнообразные. Но наш конек – профессиональное отношение к воде, особенно – к подводному миру. Уверяю вас, ни в одном отеле мира вы не найдете лучших, чем мои парни, инструкторов.

– У вас небольшой отель, – Ренникова сделала плавный жест рукой. – Два корпуса на десять и сорок номеров. Расценки, как я поняла, соответствующие. Ваша задача – привлечь состоятельных клиентов, чтобы ваш бизнес удержался хотя бы на плаву?

Абрамов загадочно улыбнулся: «Я открыл отель с использованием шпионажа. Я думаю, он будет сильно популярен». Он фактически повторил за Китом Мэлтоном, автором нашумевшей книги «Ultimate Spy Book» («Самая полная книга о шпионах»), закончившим Академию морской пехоты.

– Мы работаем над проектом бизнес-туров, по индивидуальным заказам элиты, – ответил на вопрос Абрамов. – Это лучшее место как для спокойного отдыха, так и для деловых переговоров. Нас устроят даже двухдневные туры.

– Я уловила вашу мысль. Сделать на ней акцент в рекламе? – Анна открыла рабочий блокнот и черкнула на чистой странице пару пометок.

– Небольшой, – согласился Абрамов, – еле уловимый, ненавязчивый, пикантный, как ага-товая обложка на вашей голубой юбке. Как если бы итальянец говорил по-французски, соблазняя Кароль Буке. Если вы придерживаетесь этого стиля и в этом плане клиент разберется сам, то я вам обещаю большое будущее. В плане бизнеса.

– Я поняла. Где вы хотите разместить рекламу?

– Прежде всего в журналах, которые выходят в странах Латинской Америки. Колумбии – в частности. Я дам несколько названий. Вы свяжетесь с ними и разместите нашу рекламу.

– Почему латиноамериканские страны, если не секрет? И почему вы выделили Колумбию? Не потому ли, что она крупнейший экспортер полиграфической продукции?

– Там крутятся большие деньги, – ответил Абрамов. – А Колумбия привлекает хотя бы тем моментом, что для россиян является безвизовой страной. По прибытии получаешь разрешение на проживание сроком на три месяца и поэтапно продлеваешь до полугода. Единственная «виза» – это справка о прививке от желтой лихорадки.

– Обратная рокировка, – тонко заметила Ренникова. – *Кажется, вы собираетесь наводнить Колумбию туристами, а не наоборот.*

– Сегодня отдыхайте, – прервал разговор Абрамов, – а завтра...

Московская область, этот же день

Анастасии Свешниковой исполнилось пятьдесят четыре. Она была на десять лет моложе Юрия Брилева. Она ушла на пенсию в чине подполковника медицинской службы. Последним местом работы был 6-й Центральный военный клинический госпиталь на северо-западе столицы. Неподалеку от госпиталя, за Московской кольцевой дорогой, у нее была дача: десять соток и домик с узкими длинными окнами – чтобы воры не залезли в домик. Точнее, вандалы: нести оттуда было нечего. Они могли стащить разве что кровать и ватный матрас, старые этажерку, приемник и керамическую пепельницу. Садовый инвентарь хранился в душевой, за неприметной дверью, замаскированной под стену.

Свешникова проснулась среди ночи. Ей показалось, она слышала скрип двери. В дверном проеме она увидела сначала одну фигуру человека, потом другую. Закричать она не успела: один из нападавших накинул на ее голову халат, висевший на спинке кровати, и несколько раз обернул вокруг ее головы. Ставив жертву с кровати, он поволок ее к окну. Там он ударил ее головой о подоконник. Опустив обмякшее тело на пол, он освободил халат, расправил его и повесил на место.

Перед сном Анастасия Павловна читала книгу Жоржа Сименона «Мегрэ в Нью-Йорке». В пепельнице осталось несколько окурков. Один из нападавших выбрал не затушенный, а угасший окурочек; очаг возгорания должен быть небольшим, чтобы его легко было установить. Он положил его рядом с подушкой и щелкнул зажигалкой. Сначала занялась простыня, потом вялый огонь переместился на подушку. Набирая силу, он подпалил матрас. Вата не горела, она тлела, распространяя удушливый дым. Уже через минуту в домике нечем было дышать.

Окна были закрыты. Дым повалил через дверные щели. Он нашел невидимые трещины в потолке и вырвался на чердак. Он закурился над крышей и придал домику сказочный вид. Вокруг него не хватало снега, саней, похрапывающего от нетерпения гнедого жеребца.

Женщина очнулась и закашлялась. Она судорожно втягивала в себя дым и выдыхала еще более жуткую смесь. Дым свистел и хрипел в горле. Она умирала, цепляясь за последнюю надежду. Сорвала занавеску, дотянувшись слабеющей рукой до ее нижнего края, стянула скатерть со стола, уронив пепельницу и книгу. Книга упала на пол и открылась на странице, которую Анастасия Павловна так и не успела прочитать:

«Я знаю, вы сочтете меня подлецом. И окажетесь правы: я и впрямь подлец. Я знал, что будет, и все-таки не смог удержаться».

Дыма было столько, что огонь погас. Лишь тлела и тлела вата. Соседи забили тревогу лишь под утро. Вначале появились пожарные и предварительно определили причину возгорания. Потом приехала милиция и «Скорая помощь». Они с большей точностью определили причину смерти бывшего военврача. А совместные выводы прозвучали как приговор: смерть из-за собственной неосторожности, по халатности.

Испания, 7 июня, вторник

Мягкий, словно оберегающий глаза, солнечный свет струился по каменной кровле террасы. Из нее открывался роскошный вид на голубую лагуну, обрамленную чистым белым песком, с неохотой отдающим свое тепло загорающим на пляже девушкам. Они отдыхают под звуки моря и доносящиеся из бара неаполитанские мелодии.

Лолита по гороскопу – Рыба. Девушка редко бывает веселой, чаще грустит. Оттого, наверное, ее смех необычно красив, в нем отчетливо звучит арфа. Николай Кокарев из той же водной стихии. И если Лолка вышла из воды подобно нимфе, то Николай вылез натурально раком.

– Вторая экспедиция в никуда, – проворчал он. – Вдруг меня убьют, а у меня дома дел невпроворот. Джеб, куда ты все время смотришь? – Не оборачиваясь, Кок указал большим пальцем за спину: – Одна девушка моя, а вторая уже давно не твоя. Только не говори, что Лолка часть твоей жизни и ты не можешь забыть ее... Ну все, немая сцена: «Герасим без звуковой карты». – Николай переключился на начальника. – Абрамов существо противное дальше некуда. Я по ночам его голос слышу: «Если ты парень башковитый – сам себе все добудешь. А дурак – хоть кристаллический шлем нацепи, все равно не поможет».

– Кок, заткнись, а? – лениво цыкнул на товарища Блинков. – Ты как парикмахер.

– Ну правильно! На художника каждый может рывкнуть.

Агентурная группа капитана Абрамова расположилась за продолговатым столом. Узорчатый навес защищал молодых людей от солнца. Эта терраса считалась административной частью отеля. Вход в нее один, из приемной патрона. Александр Абрамов вышел ненадолго, за что и поплатился.

– Знаете, что нам скажет Абрам на прощанье? – продолжал ворчать Кокарев. Он ткнул в газету, оставленную капитаном на столе, где прочел отрывок интервью с Кароль Буке: «В странах Латинской Америки пираний, анаконд и крокодилов больше, чем людей, а местные жители ведут настолько жалкое существование, что продают собственных детей либо бездетным иностранцам, либо сутенерам, либо торговцам органами». – А вот что нам скажет капитан: мол, обломитесь. И добавит: все не умирайте. Один должен пойти в качестве живого экспоната в музей ВМФ. Остальные – в воске.

Николай очень походил на пилота «Формулы-1» Ярно Трулли прической, резкими чертами, неуступчивостью. Коку редко удавалось быть впереди, и сам он порой называл себя аутсайдером.

Владимир Веселовский открыл иллюстрированный журнал-путеводитель, спонсируемый радиостанцией «Европа-Плюс», на странице, где в разделе «Проживание» не без гордости отметил отель «Берег мечты».

– Вы заметили, какая классная телка удостоила вниманием нашу «Мечту»? Какая кожа! Без изъяна.

– Кожа обезьяны, – по-своему истолковал Кок. – Видел я нашу рекламщицу. На пенсионерку тянет. Прячет в ночном столике средство для лечения анальных трещин. Голимая крольчиха. Труженица-дюраселл, блин.

– Нет, у нее классная кожа. Она поит ее термальной водой от Роше.

– Ну все, пацана поперло. Выйди из стресса, Весельчак, сходи в толчок, помассируй свою простату. Вы все чокнутые. И моя Ирка тоже свихнулась. Помешалась, блин, на «Дневниках Бриджит Джонс», запоями смотрит один и тот же фильм. Она возомнила себя Рене Зеллвегер!

Но в ней, скажу вам честно, парни, многое от героинь Нонны Мордюковой. Знаете, как мы познакомились? А я вам скажу. Смотрю, скучает за столиком в кафешке аппетитная пышка. Подхожу, присаживаюсь, спрашиваю: «Как зовут-то тебя, рассыпчатая?» Она томно отвечает: «Рене». – «Ну надо же! Как мою прабабку. Ну ладно, как назвали, так и назвали. А меня Колином кличут. Чем занимаюсь? Наркотики продаю. Ну и по мелочам: генная инженерия, клонирование. Почему один? Семеро нас». А я тренировался накануне, Тимур мне фингал поставил. Она спрашивает: «А с глазом что не так?» – «На стройке заблудился, – отвечаю. – Смотрю, вываливается из темного подвала парень с арматурой. Ну, думаю, сейчас он мне дорогу к людям и покажет. Вижу, второй клон подтягивается, и тоже с прутком. Махнул – и мне прямо в глаз попал». Короче, хлебнул я первача и предлагаю подруге ночлег и трапезу получить у меня. Потом ее парень приходил со мной разбираться. На хакера похож: грустный, очки, бороденка.

– И парнем быть перестал он, – устало протянул Весельчак. Он направил бинокль в сторону женщины «с кожей без изъяна». Вовремя – он увидел, как неосторожным движением Анна Ренникова столкнула сотовый телефон со столика и этого не заметила.

– Ну все, – пробубнил «Трулли», провожая глазами Веселовского, – поплыл парняга! Пошел демонстрировать правила съема. Как белые карлики сливаются в экстазе. Отвратительное зрелище. Я скажу почему. Потому что белый карлик – очень старая звезда...

Очередной объект Владимира Веселовского отдыхал под тентом. Анна устроилась в удобном плетеном кресле. Ее элегантная накидка гармонировала с зелено-салатной скатертью столика и полосатой подушкой. Широкая соломенная шляпка и солнцезащитные очки скрывали ее глаза.

– Ваша «соковыжималка»? – спросил Весельчак, наклоняясь за мобильным телефоном клиентки. – Не против, если я внесу в него свой номер?

– Отвали, юноша, – холодно и с ленцой ответила женщина. Она на миг опустила очки на кончик носа, чтобы получше разглядеть этого высокого и мускулистого парня. Природа одарила Весельчака светлыми волосами и выразительными серыми глазами. У него были узкие бедра и широкие плечи. Сейчас он был одет в серую майку без рукавов, но с размашистым капюшоном. Он по привычке оттягивал майку, сунув большой палец в рукавный выем, демонстрируя накачанные грудные мышцы, шрам от пулевого ранения и пирсинг на соске.

– У тебя удивительные глаза, губы, – тут же отреагировал Весельчак. – Распишем вечерок под названием «Рандеву с королевой»? У самого синего моря – большая прогулка – голубая мечта. Попрыгаем с цветка на цветок. Я научу тебя состоянию невесомости.

– Мечтаешь? – спросила Анна.

– Где мечты, там дела.

– Боже, незабываемо...

– Сегодня вечером я приду сюда за запиской. В ней будет сказано, где ты оставила ключ от своего номера, и постскриптом: «Подожди, сразу не входи. Дай мне секунду, чтобы унять дрожь. Немного терпения, мой необыкновенный, и произойдет чудо».

Женщина хрипловато рассмеялась.

– Милый мальчик, если мне понадобится секс, я позову в номер пару блондинок. Я не люблю солнце, мне нравятся краски заката.

– Мне тоже нравится красное однотонное белье. Самое нижнее. Это будет прекрасный вечер вчетвером. Две блондинки против грязи. Они придут, даже если вы их не звали. Хочешь, я настрою твой телефон? Один длинный, два коротких – это звонок от меня. Так гудел «Титаник» перед отплытием. Уроним твоё ожерелье в море?

– Тебя как зовут-то? – Анна сняла очки и не сдержала широкой улыбки. – Гель Против Угревой Сыпи?

– Для тебя я – Дельфин с мячиком.

Николай, не отрываясь от бинокля, комментировал:

- Смеется... Интересно, что он ей нашептал? Гад, он пересказывает ей мою лав стори!
- И чем ты недоволен? – спросил Тимур. – Предъяви ему, скажи, что ты теперь полюбому в доле.
- Рене Зеллвегер здесь, забыл? Чуть что: «Ах, ты не понимаешь, за что я на тебя обиделась? Ну тогда я тебе вообще ничего не скажу!» Надуется, замучишься сдуть. О, Весельчак кнопки на мобильнике жмет. Звонит, что ли, кому-то?
- Кок, тебе сколько лет? – спросил Джеб.
- Ну двадцать четыре. Хочешь сказать, что не тяну и на двадцать три?..

12

8 июня, среда

Анна Ренникова расположилась за столиком, укрытым от солнца полосатым «билайновским» тентом. Перед ней куча фотографий, пухлый блокнот с рабочими записями. Она берет то один, то другой снимок, подглядывает в наброски. Она мысленно выписывает характеры агентов Алекса Абрамова. Накануне она дала команду фотографам снимать инструкторов, указав на них. Никого гримировать не надо. Снимки сделать в рабочей атмосфере, во время разговоров, обеда, на отдыхе.

Владимир Веселовский. Тип – мартовский кот. Он не придает особого значения нормам морали и этики. Он знает сладкий вкус легких побед. Слащав? Нет. Он похож на хоккеиста Сергея Федорова. Образ Веселовского скорее недоступный, чем наоборот, что привлекает внимание женщин, вызывает страсть, но в то же время недоступность, знание себе цены отталкивает слабый пол. Одним словом, знаменитость, пусть даже в образе. Для узкого круга фанатов конфетка. И неважно, что он по натуре кобель. Важно, что у него богатый выбор.

Николай Кокарев. Оболтус. Запросто может подменить Нагиева в его телепередаче. Можно послушать его, но через минуту все забудешь. Внешность... натурального морского разбойника. Эти длинные крашенные волосы, стянутые пестрой банданой, козлиная бородка. Постричь, побрить? Получится комикс. Анна Ренникова разобралась в безудержной болтовне Кока. Скорее всего, за ним закрепилась слава болтуна, и он уже не может отступить от этого клише, увязая все глубже и глубже.

Евгений Блинков. Тут есть над чем поразмышлять. Он сразу не бросается в глаза, на него обращаешь внимание в последнюю очередь, не замечая, что его образ немедленно отпечатался в сознании. Замкнут? Пожалуй, да. Но он не суров. Если Веселовский – отполированный кузов спортивной машины, то Блинков – ее двигатель. Красив. Необычайно смотрятся теплые морщины под глазами в сочетании с холодным подбородком. Взгляд уверенный. Опять же его теплоту слегка подмораживают его голубые глаза. Собственно, на всех снимках он разный. На одном фото он улыбается, отчего его лед тает. На другом снимке он по-деловому сосредоточен. В другом случае он недоволен вниманием фотографа. Он передает настроение. Оно переходит из одного снимка в другой. Небольшой фильм всего из нескольких фото. И никаких субтитров не требуется.

Тимур Музаев. Тип – спортсмен. За его спиной не море, не пальмы, не песок, а тренажерные залы, потертые маты, нервные тренеры. За ним – работа, непосильный труд. Он не передает настроение отдыха, не оттягивает на себя один очень важный момент: что его труд инструктора – это обратная сторона клиента. На снимках он тяжел. Он не привлекает внимания. По сути, он – spoiler, разрушитель, и сам выглядит непривлекательно, и других заставляет выглядеть неважно. Если переименовать Абрамова, под одним из снимков Тимура можно сделать подпись: «За пять минут до решающего поединка».

Сергей Ключев. Трубач. Почему пришло такое определение? У него тонкие поджатые губы и близко поставленные глаза, словно он косит на ноты. Пожалуй, его тип – ястреб.

Анна не заметила, как с головой ушла в работу. Подача Абрамова оказалась голевой. А ведь он, черт возьми, прав! Нет в прошлых работах переднего плана, лиц, гипнотического взгляда кобры.

Ренникова пользовалась и другими данными Абрамова, которые можно было охарактеризовать как «привычки и пристрастия загадочной латиноамериканки». Данных было не так много, точнее, совсем мало. Любимый цвет – белый. Любимое блюдо – шоколаде сантаференьо, горячий шоколад с сыром и хлебом. Любит море, обожает плавать. Два-три раза в году бывает в Картахене, облюбовав местный пляж Марбелья. На одном из крохотных островков Ислас-дель-Росарио у нее есть бунгало. Однажды была в Рио-де-Жанейро, пару дней провела в Ипанеме.

Не густо.

Сама Анна предпочла бы иной, более конкретный вопросник: какой тип мужчин, какую музыку она предпочитает. И так далее.

Кто остался? Михаил Чижов. Тип... Если отталкиваться от Ключева-ястреба, то Чижов – ворона. Черноглазый, кажется – раздражительный. Как говорят военные летчики: лишь одна птица умеет летать – ворона, остальные ей подражают. И вот в этом Чижов весь. На снимках он зажатый, нераскрытый, недовольный, он умеет лучше всех летать, но его полет для непосвященных – полет обычной вороны. В общем, тоже для узкого круга личность.

Анна убрала четыре снимка и остановилась на двух. Веселовский и Блинков. Она отчетливо увидела рядом с Весельчаком двух смазливых телок, готовых на все. А рядом с Блинковым... Да, она увидела Лолиту Иашвили. И он готов для нее на любые жертвы. Кажется, так, если Анна не ошиблась в своих наблюдениях. Но ее взгляды на личную жизнь двух этих людей не должны мешать работе.

Все, что она хотела увидеть, Анна увидела. Пора приступать к фотосессии.

Но прежде она выбрала из списка номер Веселовского, все-таки одержавшего очередную победу.

– Привет, Дельфин с мячиком! – поздоровалась она. – Кто ты сегодня? Кот, качающийся на качелях? Знаешь, котенок, я отбраковала тебя. Нет, в другом плане. Как насчет вечерней программы: грязи – парная – ритуальные танцы? Поищи сегодня записку на моем столике. Целую, пока.

Абрамов чувствовал себя в отеле полноправным собственником. Отчасти и он приложил руку к тому, чтобы его агентурная группа обреталась под столь оригинальной крышей.

Сейчас парни снова собрались за одним столом. Они внимательно слушают своего начальника, который пробует ответить на все накопившиеся вопросы. Кажется, у него это получается.

– ...Можно сказать, что я хочу угадать. Но вернее – я хочу максимально приблизить цель. Пока что я работаю над тем, что есть. Играю с одной картой из тридцати шести, угадываю, какой масти будет вторая. Дальше дело встанет за достоинством карты. Пока вся колода не раскроется. Может вообще ничего не раскрыться, но пытаться надо. Можно сказать, я сам себе работу подвез. Она мне показалась сложной, потому и привлекла мое внимание. Знаете, как сказал Михаил Сергеевич Горбачев: «Судьба действует как надо, а я ее насилую». Да, я буду рисковать людьми, затратчу часть средств, не зная, окупятся ли затраты. Наша работа – собирать информацию в месте, которое мы выбрали, и передавать ее в штаб, не заботясь о том, пригодится она там или нет. Что из того, что информация о пленнице была получена не здесь? Но ведь продолжение вылилось на эти берега. И кто знает, не докатится ли волна до тихоокеанского побережья Колумбии. Или берегов, омываемых водами Карибского моря... Теперь вы

понимаете, с какой тщательностью штаб разведки подходит к спецоперациям. Из какого далека они берут свое начало. И все эти моменты важны, нет ни одного пустого хода. Впрочем, вы сами однажды прошли через это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.